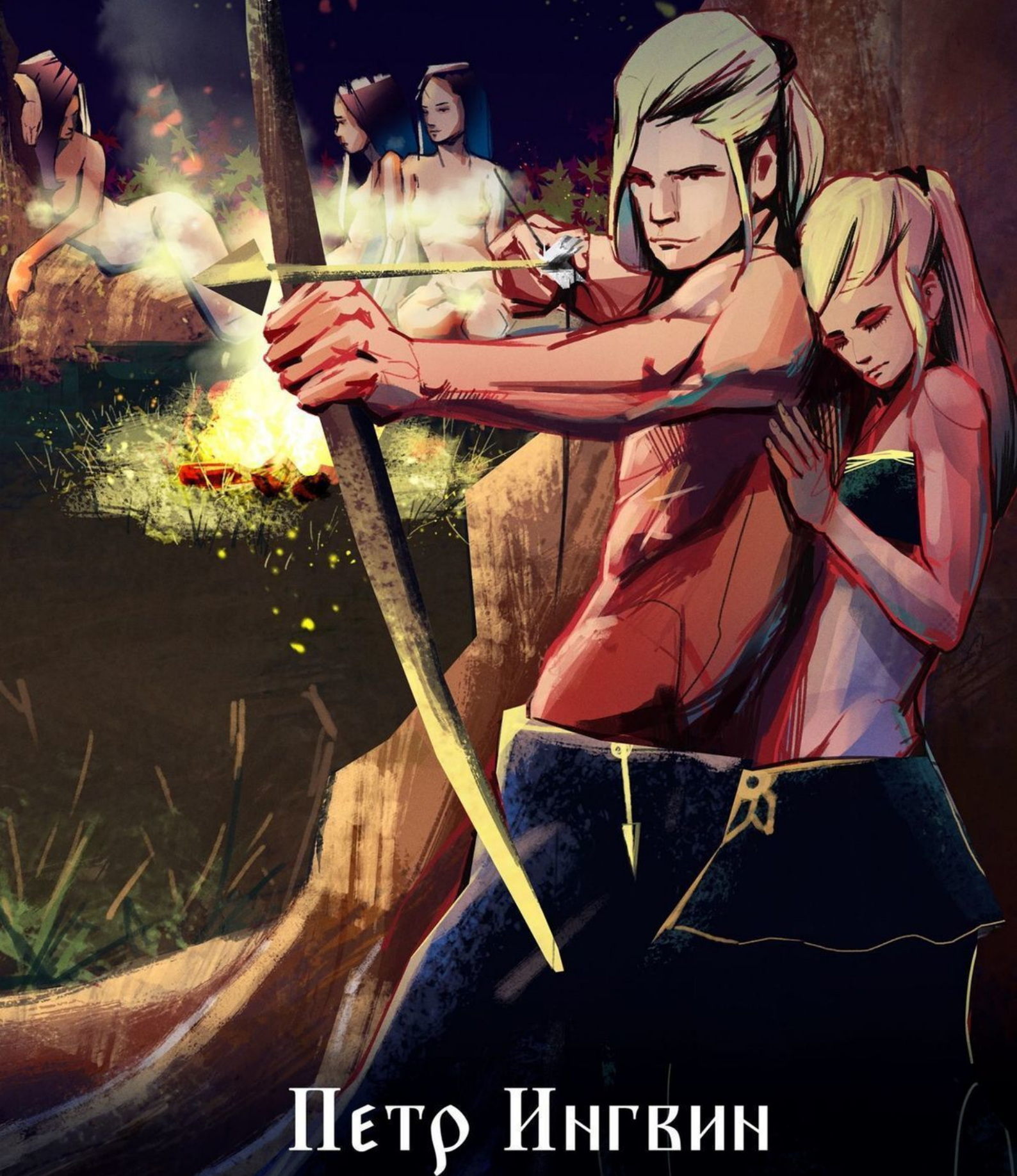

Зимопись Урок ловиласки

Петр Ингвин

* ловиласка (местн.) – искусство любви

Петр Ингвин

Урок ловиласки

«Издательские решения»

Ингвин П.

Урок ловиласки / П. Ингвин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937933-7

Вам такое не понравится. Герой до конца повествования лежит на траве, вокруг в самом диком смысле слова сгруппировались иноземные царевны, и одна ведет урок: «Это, — два пальчика подцепили краешек, словно нашкодившего пацаненка за ухо, и потянули вверх, — приносит нам боль, болезни, детей и удовольствие...» «Урок ловиласки*» — аморальный учебник морали, полная версия одного из событий саги «Зимопись». (*ловиласка, любушки (местн.) — искусство любви)

ISBN 978-5-44-937933-7

© Ингвин П.

© Издательские решения

Содержание

Эпиграф	6
Пролог	7
Включение первое	12
Часть первая	20
Включение второе	40
Часть вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Урок ловиласки

Петр Ингвин

Иллюстратор Владислав Мухаметгареев

© Петр Ингвин, 2019

© Владислав Мухаметгареев, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4493-7933-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпиграф

«Книга, не стоящая того, чтобы ее прочли два раза, не стоит, чтоб ее прочли и один раз».
Карл Вебер

Пролог

Варвара еще выискивала наилучшую кандидатуру, как вдруг...

– Я хочу!

Все оглянулись на вскочившую с моей руки Клару. Потрясенная собственной дерзостью, она конфузливо топталась у всех на виду, сжавшееся тельце исходило пупырышками, а главную девичью драгоценность прикрывали белые от напряжения ладони. Прикрывали от меня. Боже ж мой, опять. После всего, что творилось буквально только что, после разговоров глазами и телами – настолько откровенных, что в прошлые века в конце прозвучало бы «Теперь я должен на ней жениться»...

Сидевшая на моих ногах Варвара осведомилась с видом бывалого перестраховщика:

– Ты серьезно?

Еще бы. В это не верилось никому. Самой Кларе тоже не верилось. Поспешно выпихнутое «да» попыталось развеять свои и чужие сомнения. Мысли и тело поплыли, и, механически переставляя ноги, царевна выдвинулась на позицию.

Варвара приподнялась на коленях, ее лицо оказалось вровень с лицом вставшей рядом миниатюрной практикантки. Никто не сказал бы, что они учились на одном потоке, а в преподавательницы более рослая и ненамного перегнавшая возрастом соученица произвела себя самостоятельно. Разницу в сложении и мировоззрении подчеркивали выпиравшие особенности. Одни – мило маленькие, упругие, застенчиво и доверчиво выставленные – ежились под привлеченным вниманием, другие нагло попирали пространство и замахивались на время, не желая терять его в одиночестве. На те и другие со всей гаммой чувств, от флегматичной отрешенности до восторженного любопытства, многоглазо косились такие же элементы организмов прочих царевен. И чем больше размер, тем грустнее был взор, опускавшийся все ниже и ниже.

А я смотрел глазами. И не мог оторваться. Так жертва безропотно глядит на палача, даже превосходя его в силе. Палач не воспринимается как человек, которого можно побить и от которого можно сбежать, он – рука судьбы, финальная черта. За чертой – небытие, страшное и сладкое, оно манит, но одновременно намекает: за точкой невозврата станешь другим, и прошлого не вернешь.

Жаль, что понимание этого приходит только к переступившим черту.

Где-то на периферии мыслительных процессов возник вопрос – до одури логичный и оттого неуместный из-за ухода в обобщающие сферы от происходившего конкретно со мной: почему взгляд упорно зависал на мягких выпуклостях – любых, что оказывались в поле зрения? Что именно заставляло взор останавливать бег и впадать в гипнотический транс? И неважно, с пипками округлости или с центральной ложбинкой, то есть передние они или задние. Лишь бы спелые и сочные. Впрочем, какая разница? Любые, вплоть до нулевых, лишь бы противоположнополюе. Не играли роли ни диаметр пипок, ни форма, ни цвет, ни острота или ее полное отсутствие. Ни глубина ложбинки, ни длина, ни крутизна и красота окрестностей. Лишь бы ландшафт имелся и хоть немного освещался, чтобы его находил взгляд. На этом требования обезьяны, просыпавшейся в таких случаях в мозгу, исчерпывались. Огромные и мелкие, вздернувшие носы или, наоборот, с довольной усталостью поникшие, казавшиеся как невесомыми, так и неподъемными, белые, смуглые, загорелые, как только эти визуальные раздражители появлялись рядом – конец работе, физической и умственной. Мышцы и мысли останавливались, и глаза с упрямством истинного осла, на уровне генов сидящего в каждом мужчине вместе с упомянутой обезьяной, фокусировались на обнаруженном предмете. В мире миллиарды людей, у половины из них имеются такие вот, как перед глазами, особенности, которые, если судить трезво, вовсе не особенности, а норма. Мужчины же при их появлении

спотыкались на ровном месте, спотыкаются и спотыкаться будут. Где тут логика? Почему эти круглые штучки, которых у меня нет, не дают покоя одним своим присутствием в пределах досягаемости (или недосягаемости)? Это потому, что их нет у меня?

Вздор. У меня и хвоста нет, но на хвосты смотреть не хочется. И окруживших меня царевен мужское отличие не вводит в ступор, его изучают с интересом и легким будоражающим недоумением, не более. Так смотрят на инструмент, необходимый для полезного дела, или на любимый гаджет – без трепета и обезволивающего смятения. Когда будет нужен – взволнует, в другое время пусть лежит в сторонке и ждет очереди. Надо – позовут. Почему так не получается у меня и вообще у всех мужчин в отношении женских прелестей?!

– Помнишь обо всем, что здесь говорилось? – Брови Варвары сурово сошлись и выпрямились в линию, точно ладонь у полицейского, который отдает честь перед тем, как обвинить в свершенных непотребствах.

Клара кивнула:

– И хочю, чтобы все произошло как можно скорее.

А виноват во всем – я. Именно мои невидимые посторонним развлечения нарушили спокойствие царевны, именно они поменяли знак ее желаний на противоположный. Интересно, предусмотрен ли у Варвары такой поворот? Если да, то – нет слов, одни междометья. Даже страшновато: что еще содержалось в том сценарии? Что если это действие – не последнее, и по окончании неумная компания не перейдет еще к чему-то? Хотя – к чему? Куда дальше-то?!

Думаю, эти найдут куда. Вспомнилось мелькнувшее недавно среди прочего:

– ...тело каждой женщины, – объясняла Варвара, – не похоже на другие, поэтому единых правил не существует, задаются лишь направления. Не только внутрь, – последовал укоризненный ответ что-то изобразившей жестами Ярославе. – Если упрощенный до безобразия мужской организм имеет единственную зону удовольствия, то у нас их неимоверно много, они разбросаны и по поверхности тела, и внутри. Шея, грудь, живот, внутренняя поверхность локтей, коленей и бедер, запястья, поясница, ступни, пальцы ног... У некоторых даже макушка!

– А вот это? – Ладони Феофании постучали по налитой упругости тыла.

Звуки разнеслись звонкие и веселые, как сама вызвавшая их к жизни царевна.

– И это, причем по-разному: у одних поглаживанием, у других поцелуями, у третьих – похлопыванием или поркой.

– Что?! – Руки Феофании отдернулись, будто ошпаренные. Она даже зачем-то подула на них.

– Существуют люди, которым это нравится, – с усмешкой подтвердила Варвара.

– И когда нас наказывают плетью, им это как нежданная порция десерта? – возмутилась Феофания несправедливостью жизни.

– Только в другом месте, – хохотнула Любава.

Антонина угрюмо осведомилась:

– А среди нас есть такие?

Девичьи головы повернулись, старательно выискивая что-то глазами, извилины загудели, прокручивая известные факты и стараясь припомнить неправильную особь по каким-то случайным деталям прошлого.

– Что мешает нам попробовать? – нежданно принеслось от Любавы – задумчиво и одновременно задорно.

– Я бы доверила проверку нашему пособию, – заявила Ярослава. – Если некое удовольствие существует, думаю, мужская рука обнаружит его у нас быстрее. Кто «за»?

Осторожно потянулась вверх рука Александры. Ее отважно поддержала Майя. Со страхом приподнялись руки Любавы и Феофании, а Кристина совершила подобный подвиг без сомнений:

– У нас замечательное пособие, этим нужно воспользоваться по всем направлениям!..

Вот, а я сомневался, возможно ли «куда дальше». Фантазиям царевен стоило не столько завидовать, сколько опасаться их, особенно последствий, когда подвинувшиеся на почве свалившейся свободы создания окажутся среди родителей и святых сестер, а меня, случайно вознесшегося до руководства, вернут в статус имущества.

У девушек в их нынешнем состоянии понимание причин и следствий не нашло общего языка с желаниями и, фыркнув презрительно, отправилось почивать. Оно ушло далеко и надолго и, видимо, просило больше не беспокоить. Пример – стушевавшаяся фигурка Клары, которая старалась истончиться до полной прозрачности, чтобы вместо нее видели шумевшие кроны и темневшую за плечами кардиограмму горного массива. Кончики русских волос, спускавшихся на плечи, закруглялись к петлицам ключиц и щекотали их, отстриженная челка превращала лицо в окошко, откуда выглядывали недавно миндалевидные глаза, теперь округлившиеся от предстоявшей жути. Чувствовалось, как царевну корежит от события, на которое зачем-то решилась. Никто не заставлял. Зачем же?!

Решительное «я хочу!» контрастировало с последующим «хочу, чтобы все произошло как можно скорее». В финале – завуалированная просьба о помощи, причем с любой стороны: можно ускорить, а можно отказать, и в обоих случаях Клара вздохнет с облегчением. Но чего она хочет больше? Слова – ложь. Любые. До тех пор, пока не превратятся в поступки. Даже ясновидящие не знают, принесут ли им завтра денег, или пора идти работать по основной специальности. Ни один прорицатель не готов отдать жизнь или хотя бы зуб за свои высказывания. Даже дельфийский оракул, от одного слова которого рушились империи, всегда оставлял возможность трактовать выдаваемые пифиями откровения двояко.

– Варвара, – подал я голос, и бурунчики разноцветных любопытных голов всколыхнулись над океаном белых волн. – Если человек боится передумать, то не готов.

– Я готова! – выпалила Клара.

И покраснела.

– Почему вдруг? – задала Варвара простой вопрос. – После того, как отказалась от прочего...

Варваре тоже не нравилось происходящее. Выбившись в руководительницы, она отвечала за нас. Проблем ей не хотелось. То, чего хотелось, она уже получила. Или еще получит. Никто не знает, сколько пунктов содержал план в ее голове, когда нынешний урок замышлялся, и в конце скольких строчек галочки о выполнении еще не проставлены.

– Я хочу. – Упорства Кларе было не занимать. – И хочу именно сейчас.

Ищущий поддержки взгляд обвел учениц, наупражнявшихся в других дисциплинах. Большинство одобряли ее выбор. Работало стадное чувство: пусть она тоже, а то чего вдруг не как все? Лучше нас, что ли?

– Это твое право, – вздохнула Варвара. – Надеюсь, не пожалеешь.

Природа сказала женщине: «Будь прекрасной, если можешь, мудрой, если хочешь, но благоразумной ты должна быть непременно». По окружавшим меня царевнам я делал вывод, что природа зря болтала языком или чем там она это делает. В воздухе пахло свежестью, полынью и шизофренией, но только не благоразумием.

Тугая статья соткалась надо мной пушистой тучкой, готовый вот-вот пролиться дождем. Девичьи руки с трудом сняли навес со скромной золотистой лужайки – смысла и дальше соблюдать видимость приличий больше не видела даже хозяйка окрестных дюн и ущелий. Игры закончились.

За перипетиями с боровшейся с собой главной героиней я едва заметил, как Ефросинья прикарманила мою освободившуюся конечность по другую сторону от Феофании – у моих пальцев вновь отобрали свободу. Еще минуту назад меня бы взорвало. Сейчас это стало неважно, сознание целиком концентрировалось на главном действии.

– Чувствую себя мишенью на копейном турнире. – Клара мужественно перешагнула мои бедра. Напряженные губы попытались выдавить улыбку, но получилось нечто невнятное.

– Но готовой ли принять удар? – повторно удостоверилась преподавательница.

– Да. – Веки у Клары судорожно сомкнулись. Затем поднялись и упали еще раз – для пущей убедительности. Скорее всего, чтоб окончательно убедить себя. – Готовой.

Взгляду и словам многократно поддакнуло пулеметной трелью выпрыгивавшее из клетки сердечко – не желавшее спорить с окончательно для себя решенным и жутко теснившееся в ставшей вдруг невозможно маленькой клетке.

Замерев надо мной на прошедших в тревожном ожидании полминуты, Клара снова прикрылась.

– Нет, не могу. Можно, я развернусь?

– Зачем? – не поняла Варвара.

– Стесняюсь.

Все страньше и страньше (или как это ощущение правильно произносится, когда у произносящего голова работает?) звучало слово «стесняюсь» в сумасшествии происходящего. Лица и не лица зашлись в приступе сдерживаемых смешков. Судорожно выгнувшаяся Феофания подмигнула Ефросинье, оседлавшей мою вторую руку, та покровительственно усмехнулась и нарочно поерзала с немислимой амплитудой.

Варвара тоже улыбнулась:

– Как хочешь.

Клара развернулась – опрометью, будто за ней гнались с вилами, и острия уже покалывали пятую точку. Так дети спасаются от проблем: не вижу, значит, и меня не видят. Узкая спинка заняла половину кругозора. Вся внутренняя часть ног, от щиколотки до, скажем, другой щиколотки, схватилась за меня, как утопающий за все, что не позволит сгинуть в бездне – страшной, обезволивающей, затягивающей. Царевна явно тонула, но тонула странно – спасения она ждала не от окружающих, а от меня, своего противника и мучителя, того, кто сделает будущую утопленницу если не счастливой, то хотя бы умной. Пусть даже задним числом.

Если разворотом Клара пыталась что-то скрыть, то ошиблась, причем жестоко. В новой позиции все подробности оказались как на ладони, вид получился, будто в театре из первого ряда. Спутанные волосы частично прилипли к плечам, остальные свесились в сторону опущенного лица, открыв беззащитный затылок. Шейка (никак не шея, к царевне это грубое слово не подходило) грациозно согнулась, и в длинной впадинке, гораздо ниже через перевал копчика переходившей в другую впадинку, проявился трогательный пунктир позвонков. Плечи и лопатки покрывали родинки в неисчислимом количестве – счастливая, сказали бы те, кто верит в приметы. Верила ли в них обладательница такого количества счастья?

Она верила в то, что делает, и в меня. Стыдилась, отвлекала внимание, но мне, как достойному противнику, который ее решением превратился в соратника, доверяла больше, чем подругам и новоявленной преподавательнице. Кто знает, как она поступила бы, окажись на моем месте другой?

Скажу честно – я рад, что на моем месте не другой. Я не хотел того, что случилось, но оно случилось. Смыслы в произошедшее можно вложить самые разные, от «хо-хо» до «ох, ох». В общем...

Уважаемые дамы и господа, наш лайнер, совершающий полет по маршруту рождение-смерть, попал в воздушную яму инстинкта и падает. Просьба мыслям не бродить по салону и соблюдать спокойствие. Запасной мозг находится в хвосте самолета, но сейчас он занят приключениями и просит не беспокоить. Высота – несусветная, температура за бортом накаляется. В течение падения вам будут предложены горячительные ощущения для плоти и пища для души. Ручное управление сознанием отключено, идем на автопилоте. Экипаж прощается с вами, приятного полета.

К этому пришло, так сложились обстоятельства. А если докопаться до истины, то их сложили. Я не оправдываюсь, просто хочется донести правду. Мою правду. Допускаю, что в пересказе Варвары, Антонины или Ефросиньи правда окажется иной, и не факт, что благовидной. А со слов Майи, Любавы или Кристины – третьей: восторженно-слащавой и столь же необъективной. И все эти правды, как любые другие, имеют право на существование.

Впрочем, лучше рассказать обо всем по порядку.

Включение первое

Марианна

Угораздило же оказаться во главе такого гарема. Наверное, так ощущают себя женщины в мужском коллективе: всеобщее восхищение, местами ревность, периодические подкаты... Пятнадцать девок, один я. Вспомнилось, как некто Сухов вел нечто похожее через пустыню. Я вел через горы. Суть одна: отвечал за кучу доверившихся неопытных баб. Прошу прощения за грубость, вношу поправку: молодых и чрезвычайно молодых женщин. Но по уму – баб, где логика и рядом не ночевала, а самомнения – хоть половником хлебай. Ничего не знают, ничего не умеют, зато – царевны. Или: царевны – потому и. Возраст у всех примерно как я у меня – из детства ушедший, но до истинной взрослости еще не дохромавший. Варвара обгоняла меня не менее чем на год, Клара примерно на столько же отставала, остальные рассредоточились внутри этих рамок. Доспехи после освобождения остались у единиц, но каждая царевна несла меч, а одеждой всем служила обычная для этих мест школьная форма – домотканые штаны, рубаха и кожаные тапки вроде мокасинов. А мне, помимо перевязи с мечом и ножом, удалось разжиться у разбойников гнуком, как здесь называют лук, и отличными сапогами. Правда, вместо штанов приходилось щеголять в юбке, но это – местный колорит, издержки менталитета.

Ничего не имею ни против женщин, ни против царевен, особенно таких симпатичных, но когда я один, а их столько, и у каждой собственные тараканы в голове и своя игра... В общем, как уже заметно по моему настрою, допекли.

В свое время Гомер придумал игру типа современной компьютерной и резался в нее с наслаждением: осаждал и громил Троя, затем с трудностями вел главного героя домой... Думалось ли мне когда-нибудь, что окажусь в роли героя игры-бродилки? Местами – стрелялки. А также стратегии. Всю жизнь мечтал быть не пешкой, а игроком, и вот, получите – участник квеста.

Первую ночевку в небольшом леске на склоне горе мы пережили без приключений. Скажем так: без особых приключений. Настало время второй. Ночью идти опасно, в этом мире ночь – понятие почти сакральное, природа и люди сделали ее невозможной для путешествий. И зачем куда-то идти? Апельсиновая рощица давала еду, неподалеку манил прохладой чудесный водоемчик – лучшего места для лагеря не найти. Мы расположились на поляне, вокруг костра соорудили огромный лежак из листьев и сушилку для одежды. Затем ночь преподнесла несколько сюрпризов, и после одного из них – высвобождения дозорной из ямы – я отправился отмыться на озеро (в мире, куда меня закинуло, так громко называют лужи десяти метров в диаметре и глубиной по пояс).

Чтоб добраться до воды, пришлось спуститься по заросшему травой крутому склону. Словно в воронку снаряда. Местами под ногами хлюпала и жадно чавкала липкая противная грязь, зато озерцо во впадине сияло ровной гладью. Вода блестела, в ней отражались звезды – единственный свет в окружавшей тьме.

Бодрящие объятия озера приняли меня, как ведро сползшую с бортика тряпку. Шаг, еще шаг, резкое погружение...

Дно обжигало холодом из бьющего ключа. Руки терли и скребли, с невыразимым восторгом освобождая тело от грязи и пота, и я быстро превращался обратно в белого человека.

Вскоре на берег прибыло и сконфуженное олицетворение невезения. Когда царевны типично женским оружием – коварством – заставили постираться и меня, проводника, который стал командиром исключительно от их неумения выживать в дикой природе, прикрытыми у нас остались только дозорные. Они передавали друг другу три комплекта доспехов; соответственно, если ушла с поста – будь добра, сливайся с природой.

– Меня отправили мыться, – робко сообщила Марьяна.

– Мойся. – Я равнодушно пожал плечами.

Она не двинулась с места.

Всеу свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать, время плакать и время смеяться. Как выяснилось, та же ерунда со стыдом.

– Марьяна, – громко позвал я.

– Что? – Она отпрянула на шаг.

– Какой у тебя приказ?

– Мыться.

– Почему не выполняешь?

– Но... ведь это...

– Я командир?

– Да.

– Приказываю подойти.

Ослушаться она не решилась. Раздались шлепки, плавно перешедшие в плеск, и передо мной вырисовалось в темноте прикрывавшееся мягко-хрупкое создание, чумазое, как свинка в луже. Оно застыло в метре от меня.

На полголовы ниже. Вдвое тоньше. Вдесятеро симпатичнее. Лицо пряталось за челкой, свидетельства нашей разности – под ладонями. По плечам клубком спящих змей разметались перепачканные землей волосы. Марьяна даже в плену не решилась их подрезать, как, например, Амалия. Но когда будут отмыты и уложены, думаю, моральное удовлетворение стократно перекроет трудозатраты и бывшие муки.

– Как стоишь перед командиром?! – рявкнул я.

Руки царевны испуганно уронились по швам. Плечи расправились. Но лицо так и не поднялось.

– Ты же невестор... – только и выговорила она.

За эти слова я готов был расцеловать, но вместо этого отбрил доводами тех, кто женился ко мне ранее:

– Неофициальный. Можешь расслабиться.

Она не расслабилась. Только мелкая рябь от ее дрожи пошла по водной поверхности.

– Вольно, говорю.

Ее плечи чуть сдвинулись. Тонкие нервные пальцы попали в плен ломающих ладоней. Беспокойная пауза затянулась.

– Марьяна...

– Вообще-то я Марианна, – проговорила царевна, не поднимая глаз. – Просто все привыкли.

– Марианна, – с чувством поправился я, – в жизни бывают моменты, когда нужно выкинуть из головы лишнее.

– Понимаю, – робко послышалось от собеседницы. – Как при изображении стаи: ты не стеснялся нас, мы не стеснялись тебя. Так было надо.

– Почему же стеснялась в яме?

– Мы там были одни.

– Как же одни, – воскликнул я. – Сверху на нас глядела куча народу!

– Они ничего не видели.

– Какая разница! – не удержался я. – У нас была задача – выбраться. Невзирая на.

– Взирая.

– Это ты взирала, как я лез. Я не взирал!

Она не согласилась:

– Но ты хотел. Нарочно вел к этому. И сейчас ищешь повода глазеть на меня. А я не могу отказать, потому что ты командир.

– Это не т...

Это так, перебил усмехнувшийся мозг. Царевна права. Ты прячешься за завесой слов, подменяя смыслы. Ты хочешь смотреть. Тебе нравится смотреть. Ты наслаждаешься свалившейся властью, как сделал бы любой на твоём месте. Но разве ты – любой?!

– Прости, Марианна. – Мой голос снизился до неуклюжего повинного рокота. – Спасибо, что сказала мне это. Давно кто-то должен был сказать. Поставить на место. Спасибо за урок. Иди, ты свободна. И если вдруг я снова... не робей, говори, ладно?

На меня впервые вскинулись блеснувшие глазки:

– Ты не шутишь? Такому командиру я согласна подчиняться. Приказывай.

– Что? – немного обалдел я от поворота.

– Что хочешь.

– Кру-угом! – скомандовал я.

Она мгновенно развернулась. Грязные лопатки торчали печальными крылышками. Я зачерпнул воды и принялся бережно их отмывать.

Марианна вздрогнула, но не отстранилась.

– Если, конечно, не возражаешь, – поспешно выпалил я.

– Это никак не повлияет на твои отношения с Томой?

– Совершенно.

– Даешь слово?

– Даю.

Еще бы не дать, если это чистая правда.

– Почему-то я тебе верю. – Марианна снова повернулась ко мне.

Глаза – вниз, челка – на глаза, чтоб намертво, чтоб ни одного шанса. Отгораживаясь, прячась, убегая в себя.

– Знаешь, – почему-то рискнул я раскрыть секрет, – невестором меня объявили для спасения жизни.

Противно получилось. Словно женатый кобель втирает лакомой фифочке, что никогда не планировавшийся развод состоится со дня на день. Но громом небесным раздалось:

– Это меняет дело.

Долго опущенное лицо вскинулось, и на меня взглянули два пронзительных глаза, что резали душу не хуже скальпеля хирурга. Они глядели в неясном ожидании.

Я положил руки на воду вверх ладонями. Если катал Антонину, то Марианна достойна этого как никто.

– Ложись.

– Зачем? – не поняла она.

– Увидишь.

Этого оказалось достаточно. Марианна послушно опустила животом на мои запястья.

– Руки вперед, – продолжал я командовать. – Или в стороны, как удобней. Полетели!

Это действительно был полет. Марианна парила, взбивая в пену встречную воду, взлетала над создаваемыми ею же волнами и ненадолго погружалась в них. Я катал ее большими кругами, пока она сама не сказала:

– Ты, наверное, закружился.

Мы остановились, но она не вставала.

– Хочешь, перевернись? – обожгло разум.

Я потупился:

– Если хочешь.

– Только если ты хочешь.

Ну что ты будешь с ней делать. Из горла сипло выдавилось:

– Хочу.

Марианна перекутилась у меня в руках. Ее глубокие глаза помутнели, заволоклись мечтательной пеленой... и конвульсивно захлопнулись. Царевну снова пронзил стыд. Но теперь она не желала идти у него на поводу. Стала его хозяйкой.

Вроде бы все, как с Антониной, но какая разница! Там мы использовали друг друга, тайком лоя запретные удовольствия. Словно воровали что-то. Вместе, но каждый для себя. Здесь хотелось дарить.

Придерживая Марианну под поясницу, я высвободил одну руку и осторожно провел по кусавшемуся пупырышками животу. Царевна вздрогнула, но не открыла глаз. Я понял это как желание продолжения. Моя ладонь принялась нежно смывать оставшуюся грязь, пальцы мелькали быстро, ласково, невесомо – впитывая ощущения, вызывая ответную дрожь, удаляя последние песчинки, находя их в самых неожиданных местах. Или не находя, если быть до конца честным. Быть нечестным с Марианной не хотелось.

– Тебе нравится? – одновременно спросили мы.

Тела дернулись от синхронно задавленного смешка. Вода колыхнулась, и взбитой волной обожгло пару сантиметров кожи на пояснице – ниже все давно привыкло и не замечало холода.

– Я все-таки первая спросила! – настояла царевна.

Наши глаза встретились. Я смотрел на нее так, как ни на кого в жизни. Просто не было таких моментов. И таких глаз. И ответа не требовалось. Мое лицо рассказало все. Больше, чем хотелось.

– Да, тебе нравится. Вижу. – Ее лицо заострилось. Темные глаза не мигали. Зрачки стали больше небосвода и глубже Вселенной. – И чувствую.

– А тебе? – глупо выхрипела моя гортань.

– И мне нравится, – с гипнотизирующей серьезностью констатировала Марианна. – Что теперь с этим делать?

Вопрос, к которому я оказался не готов. Вместо ответа руки напряглись в попытке прижать к себе сообщницу по сумасшествию, как недавно Антонину.

Марианна не позволила. Соскользнув, она встала ногами на дно.

– Теперь я тебя, – объявила царевна.

Что меня? Погладит? Покатает? Потрогает? Выгнанное с места жительства здравомыслие отказывалось подниматься в мозг.

– Помою.

– Кхм, – кашлянул я. – Уверена?

– А ты?

Я отчаянно выдохнул:

– Давай рискнем.

– Ты замерз. Отойди к берегу, где мелко.

У меня даже мысли не возникло ослушаться. Я выполнил указание с покорностью, с какой она подчинялась мне.

Пронесся перед глазами весь фильм моей жизни. До сих пор зов плоти звучал в нем лишь фоном, как музыка за кадром, пока герои мутузят друг дружку. Беспокоящий, но второстепенный фактор, придаток... нет, скорее слабенький конкурент сознания, он знал свое место. Вдруг все изменилось. Животный зов вырвался из-под присмотра и загрохотал, раскалывая царь-колокол разума. В ушах звенело так, что барабанные перепонки отказывались выполнять прямые обязанности, лишь барабана и истошно перепоня. Иногда в мозг залетали смыслы слов, которые, оказывается, произносил рот – в ответ на другие слова, трехмерные, кривлявшиеся и разбегавшиеся при сосредоточении на них.

– ...Можно?.. – спрашивало меня бездонное мироздание напрягшимся грудным голосом.

Звуки бессмысленно витали, порхали, колыхались и переплетались, на глазах перерождаясь из левого в зимнее, а из вертикального в фиолетовое. Поверженное подсознание отвечало безо всякого моего участия:

– ...Да...

– ...Не больно?.. – продолжало оно через много веков-мгновений, оставшихся в памяти лишь вспышками длиною в жизнь: чарующими, ослепительными, выкручивающими. Острее иглы. Жарче пламени. Волшебнее чуда.

– ...Приятно...

Что со мной делали, как, зачем – не знаю. Если это называется помыть, то я на небесах. А я на небесах.

– ...А так?.. – звучало настолько ласково, заботливо и пушисто, словно котик, мурлыча, терся о ногу.

– ...Тоже...

Касания были более, чем касаниями. Ночь – более, чем ночью. Чужие пальцы – вообще всем, что было, есть и будет.

Не сразу отметились, что все кончилось, и мы с минуту стоим друг напротив друга в полной тишине и растерянности.

– Спасибо, – слетело с уст Марианны.

Мне?! Я словно очнулся:

– Мне-то за что? Тебе спасибо.

– Скоро вы там наспасибкаетесь? – Над берегом появился силуэт Варвары.

Марианну как подменили – съежилась, напряглась, но пронзительный взгляд не оторвался от моего лица. Заподозрилось, что на языке у нее вертится что-то насчет возможного невесторства...

Она промолчала.

– Иди первым. – Замерзшая царевна прикрылась руками. – Я стесняюсь.

Варвара ревниво проследила, чтоб Марианна отправилась в дозор, а я в койку.

Заснуть получилось не сразу. Бурливший организм взбрыкивал, отказываясь принимать реальность.

Глаза закрылись, уставившись на внутренний экран. Там прокручивался последний ролик, поставленный на бесконечное повторение. Чудесный ролик. Волшебный ролик. Прямотаки колдовской...

Назвал же папа Ваня сына Васей, вот и стал я для всех Чапаевым, Василь Ивановичем из анекдотов. Потом – Чапаем. Потом одноклассники, как водится, вовсе укоротили. Но лучше уж Чапой быть, иначе – Муха, все-таки Мухин я по классному журналу и прочим документам прежнего мира. Средний ученик выпускного класса весьма средней школы. И выглядел до некоторых пор весьма средне: нечто усредненно-невзрачное и нескладное. И мозги работали также. И вообще. И жизнь – средняя до оскомины. Была. Пока не произошло Это.

Нечто бултыхнуло меня в другую реальность, как пельмень в кастрюлю. Местная школа, куда определили по ошибке, со знакомыми мне учебными заведениями не имела ничего общего. Учеба там напоминала смесь службы в армии с занятиями в институте благородных девиц. Затем, после отправки в Крепость и связанных с этим приключений, долгое время пришлось жить в стае челоуолков – полулюдей-полузверей, стечением обстоятельств принявших меня за своего. Потом воевать на разных сторонах, но каждый раз за справедливость, как я ее понимал. Об этом подробно расписано в других историях, повторяться не буду. Да и речь не о том. Сегодня рассказ пойдет о единственном дне, только о нем, и для понимания произошедшего совершенно неважно, каким образом попала сюда наша четверка, и что один находится в плену, второй подался в разбойники, а третья делает карьеру, часто наступая на горло собственной песне.

Меня судьбе угодно было окунуть в аристократический инфантильный террариум – в наказание за что-то (несомненно, мелкое, поскольку крупных грешков за мной, насколько знал, не водилось) или в порядке назидания, чтобы понял, что почем в этой жизни. Не знаю, что задумала судьба или те, кто в ее роли спланировал цепочку событий, но разыгранная, как по нотам, комбинация прокатила меня по всем ступенькам моральной лестницы – от подкрепленного принципами жесткого отказа до согласия бесхребетного слизняка. И даже – стыдно сказать – до проявления инициативы.

Царевны-тинейджерки, которых сопровождал из плена домой, вели себя, как положено в этом возрасте: озорничали, дерзили, смущались и старались понравиться – то есть ничем не отличались от ровесниц в моем мире. Не имевшие ни интернета, ни телевизора, ни даже книг, они большей частью отличались невероятной наивностью, а об отношении полов судили исключительно по слухам и религиозным предписаниям. Закон не позволял бравировать собственными похождениями, ибо «обличи ближнюю свою, и не понесешь греха». Семейный кодекс отличался оригинальностью, но был строг. Не пошалишь. Но возраст, как я уже сказал, брал свое. В ситуациях опасных и бескомпромиссных царевны казались больше девчонками, чем состоявшимися мадмуазелями – невзирая на то, на что взирать можно было долго и с удовольствием.

Сейчас кажется странным, что меня принимали за одну из них. Впрочем, ныне я уже не тот хлипкий подросток, внешне походивший на девочку. Худое тело стало поджарым и жилистым, огрубело, плечи раздались, взор посерьезнел. Наросли мышцы. Четко прорисовался кадык. Голос сломался, и пришлось заново научиться им пользоваться. Однако выяснилось, что рост, голос и мышцы – вещи второстепенные, главное – то, что внутри.

Оно, которое внутри, тоже росло и развивалось. И, что самое обидное, им оказалось легко манипулировать. И неважно, что нравы и порядки здесь другие. Люди везде одинаковы.

А мир, куда забросило, действительно другой, во всех смыслах. Тут бронзовый век, правят женщины, мужчины – люди второго сорта, если вообще люди. Помню дискуссию с одной цариссой, чей титул в нашем мире равнялся бы княжескому в некоем царстве. Или, лучше сказать, королевскому, если страна такого монарха входила в состав империи, ведь больших королевств в истории были единицы, а мелких – пруд пруди. Царисса – это королева именно такого микрогосударства.

– Почему принято брать именно трех мужей? – спрашивал я. – Не одного, не двух?

– А зачем нужно ограничивать? – недоумевала она.

– Разве не правильнее дать людям возможность строить любовь самостоятельно, без предварительного навязанных условий? Если двое влюбятся и захотят построить семью, зачем им еще двое?

– Кажется, поняла. – Царисса задумчиво сощурилась. – У вас только по одному мужу?

– Да, у нас муж в семье один, – гордо заявил я, не пускаясь в объяснения насчет существования адюльтеров, свободных браков или все возрастающего количества ортодоксальных мусульманских семей.

– Считаешь это нормальным?

– Да.

– Не давать человеку есть, пить или ходить в туалет – это у вас нормально? – выдала царисса в ответ. – Это преступление. Так же и у нас. Удовлетворение одного из базовых инстинктов – такое же неотъемлемое право каждой личности, как вышеперечисленное.

– Каждой? – лукаво уточнил я.

Царисса Варфоломея решила, что поняла, в чем подвох.

– Кроме преступников.

Я не это имел в виду, поэтому добавил:

– И мужчин.

– Естественно, – упало безапелляционно. – Мужчина – не личность, он функция. В старые времена нравы у нас тоже были другие. Ограниченные. Хвала Алле, да простит Она нас и примет, здравый смысл победил. Когда-то обделенному едой приходилось искать, что перекусить, на стороне. Так же в примитивном браке, который состоял лишь из двух индивидуумов. Вдруг партнер заболел или потеряет силу?

– А нужды мужчин вообще в расчет не берет? – возразил я.

– Повторяю, мужчина – это функция, не больше. Мужчина не может родить. Не может знать, его ли семя победило в гонке на выживание. Согласись, только полный кретин допустит, чтоб родословная человека велась по мужской линии. Абсурд. Такого не было, нет и никогда не будет – просто потому, что не может быть. Поэтому мужчины – всегда младшая рабсила, повара, вся обслуга. Женщины рожают, контролируют воспитание, руководят во всех областях. Они и берут в мужья столько, сколько нужно. А сколько нужно, определено законом, данным свыше – это чтоб не последовал вопрос, почему именно столько. Потому.

– Угу, – покорно согласился я. – Тогда возникает другой вопрос: куда деваться лишним женщинам? Тем, кому не досталось мужчины.

– Одиноким уходят в сестричество. Одиноким и... упертым. Некоторые ведь сами хотят. Например, младшие царевны без надежды на трон.

Система сложилась. Нет, остался неучтенный момент, именуемый «человеческий фактор». Мужчины намного чаще жаждут чувственного разнообразия, чем женщины. Природой заложено. Если всех любителей женского пола казнить согласно закону, а оставшихся раздать женщинам по три штуки в одни руки... Гражданочки, больше не занимать, товар ограничен. В сестры придется отправить большую часть женщин. А как размножаться, как восстанавливать поголовье?

Царисса, правившая конем рядом с моим, являла собой отменный образец местного вооружения.. Доморощенные реконструкторы, с которыми мне довелось общаться, успешно приблизились к, как модно говорить, аутентичности. Здесь передо мной находился оригинал аутентичнейший, аутентичней и оригинальней некуда. Доспех цариссы состоял из передней и задней половин, крепились они застежками на боках. Кожаную основу доспеха, надетого поверх рубахи, покрывали горизонтально нашитые ряды мелких бронзовых пластинок – внахлест, верхние поверх нижних. Издали походило на чешую. Перед кирасами и полноценными панцирями из лат такой доспех имел преимущество – гибкость. Грудную часть закрывал крепившийся ремнями к наспиннику фигурный нагрудник, изображавший «мужественную», свидетельствовавшую о силе, но при этом красивую женскую грудь. Пах и бедра покрывала мелкопластинчатая юбка. Из-под нее выглядывала вторая, нижняя, из ткани семейной геральдической расцветки, в данном случае – бело-синей. Ременная португепя тоже имела защитные пластинки и выполняла роль «разгрузки» солдат двадцать первого века: к ней крепились меч, нож и сумочка типа борсетки для кремня, точила, иглы и прочих нужных мелочей. Поножи защищали части ног, которые в бою не прикрывал щит, и состояли из трех вертикальных пластин: передней и более мелких боковых. Крепились тоже ремнями. Наручи закрывали руки от кисти до локтя. Широкий меч утопал в деревянных ножнах, покрытых кожей и в трех местах скрепленных металлом. Резная рукоять оружия была похожа на костяную, в роли навершия выступал блестящий бронзовый шар. Перекрестие – прочная узорная полоса. Шлем, сужавшийся в острый шип, имел мелкие отверстия для вентиляции внутри рельефного орнамента, на нем золотым обручем располагалось свидетельство власти – зубастая корона. Мягкие кожаные сапоги – в обтяжку и до коленей, а за плечом защищал спину в пути небольшой щит.

Мы ехали по дороге, связывавшей вотчинные башни с Крепостью. Погода, как всегда в этих краях, благоприятствовала: дул легкий ветерок, с безоблачного неба улыбалось отражениям солнце, многократно повторенное на сверкавших частях доспехов.

– Что говорит закон по поводу мужчин, – начал я формулировать новый вопрос, – которые любят женщин... в количестве более одной? У вас такие бывают?

– Еще бы, – не стала отрицать царисса Варфоломея. – Стараемся выявлять в раннем возрасте. Невоспитуемый подросток или случайно обнаруженный мужчина с неисправленной склонностью к полигамии подлежит сестрации.

– Чему? – не расслышал я.

Или расслышал?

– Если никто не высказал обвинений, которые требуют покарать на основе закона, такого любителя ловиласки увозят в сестрог. Запертый в четырех стенах недосест учится, ждет перехода на следующий уровень. У него остается возможность стать невестором и выбыть, но под дальнейшим наблюдением. В случае рецидива – смерть.

– Вы сказали... недосест? Это кто?

– Все еще мужчина, который стоит на нижней ступени сестричества. После послушничества искусством его сестрируют, и он становится сестратом.

– Кем?!

Варфоломея поморщилась от моей невыдержанности.

– Сестрат – мужчина, вступивший в сестры, полноценный член общества. Для любителей женского общества – лучшее из всего, что можно придумать. До самой смерти они вращаются исключительно среди женщин.

Вот такая сбыча мечт по туземному. Не подкопаешься.

Несмотря на пренебрежительное отношение как к «функции», мужчины здесь не стали женственными. Хоть и влезли в юбки подобно шотландцам.

– Почему мужчины ходят исключительно в юбках? – в другой раз поинтересовался я у одной небезразличной мне особы, дочки вышеупомянутой Варфоломеи, царевны Зарины. – Их заставляют собственницы?

Зарина улыбнулась:

– Еще чего. Зачем заставлять? Представь мужчину и подумай... – она не удержалась от смешка, прикрыв рот ладошкой. – В штанах же неудобно!

Логично. А против логики не попрешь.

Вот такая странная, но любопытная страна. Разделенная на мелкие царства, она спасает ангелов, воюет с отступниками и поклоняется пародийно списанному с Писаний трех мировых религий и переделанному под местные нужды божеству. В одном из царств имеется общая школа царевен, где наследницы грызут гранит науки и прочую несъедобную дребедень жизни. Однажды школу захватили орды свободных рыкцарей (это такой местный аналог лесных разбойников). В конце концов царевен отбили, и в качестве проводника-командира я повел полтора десятка учениц через леса к волнующимся родительницам.

Ну и геморрой, скажу я вам. Даже в мире женщин, которые во многом превратились в мужчин, царевны остались истинными женщинами – не желали ходить в грязном и прямо в походе устроили большую стирку (чуть позже я еще вернусь к этому моменту). Понятно, что сия участь не миновала и меня, как ни сопротивлялся и не напирал на свое от них отличие. После совместного купания в одежде первых библейских персонажей (к этому событию, кстати, тоже вернусь) вся компания расположилась на ночлег. В общем, диспозиция на эту минуту получилась такая: ночь, поляна в глухом лесу, мокрая одежда на сложенной из жердей сушилке, костер, пятнадцать дорвавшихся до свободы учениц и только что переживший очередное ночное randevu ваш покорный слуга – Вася по прозвищу Чапа.

Часть первая

Интуиция больно пнула меня, вытаскивая из сна. Что это?! Пронзило ужасом, как всегда при встрече с непонятным. Открывшиеся глаза узрели (по-другому не скажешь) собравшихся учениц. Они толпились вокруг меня в два-три ряда, заглядывая через макушки. Первые сидели на корточках, за ними на коленях другие, привстав, чтоб лучше видеть. На их плечи опирались непоместившиеся. Между голов проглядывало сонное небо, верхушки деревьев казались рваными дырами на фоне тлевшего на горизонте нового дня.

Костер догорал. Светало. Я лежал на спине. На сколько я отключался – на час? Два? Расставив ноги, Родосским колоссом надо мной возвышалась Варвара. Орлица над добычей. К поверженному трофею склонилось надменное лицо, щиколотки прижимались с боков к моим голням.

Царевна Варвара Дарьина имела перед остальными небольшое преимущество по возрасту и немалое по опыту определенного рода. Дочь цариссы Дарьи, смотрительницы школы, она с детства вращалась в кругу старших, а поступив в курируемое мамой заведение, сразу сошлась с тогдашней «ночной хозяйкой школы» Аглаей, на чьи похождения даже стража закрывала глаза во избежание неприятностей. Теперь Варвара, примерно девятнадцати зим от роду (да, здесь считают зимами) сама стала главной. Увидев, что я проснулся, она опустилась прохладным седалищем на мои коленные чашечки, ее бедра окружили и сжали мои, а ровный голос поинтересовался как бы в пустоту:

– Все знают, откуда берутся дети?

– Могу показать, – мурлыкнула Ярослава из второго ряда, навалившегося на спины первых.

Первые сгрудились вокруг моей середины так, что меж голов едва проступал рваный кусочек неба. Задним пришлось расталкивать их, влезая лицами и давя на спины. Естественно, объект изучения под таким вниманием обрел признаки жизни.

– Ух ты! – пронесся изумленный гул.

Варвара с довольным высокомерием оглядела собравшихся. Высокая, отлично сложенная, с тонкой талией, расходящейся в крепкие плечи вверх и в широкие бедра вниз, она была красива, знала это и пользовалась этим. Ямочки на щеках, большие глаза, чувственные губы – все играло на публику, на подчинение либо соблазнение. Девушку портил только покровительственно-колючий взгляд, что становился другим лишь изредка – под действием страха, гнева или любопытства. Прячась за павлиньим хвостом женственности, распутившейся не по возрасту (впрочем, в отношении царевны Школы и Грибных рощ иногда достаточно просто слова «распутившейся») Варвара не давала понять, какая она на самом деле. То, какой быть старалась, мне не нравилось. Меня и не спрашивали. Плохо, что обращались со мной как с игрушкой, желая то сломать и поглядеть как устроен, то выкинуть, то навсегда отобрать у законного владельца. Пока не раскушу и не найду ключика, жить рядом с этим опасным существом придется с оглядкой.

– Это, – длинный Варварин пальчик прикоснулся к причине восторженного недоумения, – приносит нам боль, болезни, детей и удовольствие.

– Боль, болезни, детей и удовольствие, – запоминая, хором повторили несколько учениц.

– Болезни? – ужаснулась Любава, а ее ладонь в испуге прикрыла рот вместе с чутким носиком.

Округло-крепенькая и приземистая, царевна терялась среди сгрудившихся – в самом диком смысле этого слова – высоких и плотных соседок. Ее руки ежеминутно вскидывались, отправляя за уши непослушную прядь, поскольку глаза желали не просто смотреть, а видеть. И видеть все.

А что здесь видеть? Только меня. Только то, чем одарила природа. Кстати, спасибо природе, что не подкузьмила в этом плане. Особо гордиться, конечно, было нечем, но и стыдиться не следовало: все как у всех, не лучше и не хуже. Само собой, что под выражением «не следовало стыдиться» подразумевается аспект биологический, а не моральный. С последним все было кошмарнее некуда. «Хотелось провалиться на месте» – подножие вершины, куда закинуло чувства. А если провалиться, то до самого центра планеты, чтоб сгореть в адском пекле не только щеками и нервами, а вместе с памятью о том, как моим сном воспользовались с полнейшими бесстыдством и беспринципностью.

О, кстати, а не сплю ли я?! Может, вчера слишком много впечатлений в мозг привалило, если невообразимая чушь снится?

– Вспомни темный дом, – бросил кто-то Любаве в ответ.

– Кошмар, – покачала она головой.

Еще темный дом какой-то. Бред. Галлюцинация. Сонный морок. Сгиньте!

– Помните цариссу Ариадну, пятикратно не сдававшую вотчины на забаве? – продолжила Варвара. – До сих пор в темном доме. Если еще жива.

Посыпались дополнения:

– И свихнувшаяся царица тоже.

– Говорят, там долго не живут.

Я метался в бреду полусознания, когда вроде бы слышишь, что говорится, даже как бы понимаешь сказанное, но мысли находятся в другом месте. Ощущения – расстреливаются из пушки, способной пробить лобовую броню танка. Чувства исполняют барабанную дробь в кабине разума, смертельно пикирующего и не имеющего сил выйти из штопора.

– Можно посмотреть ближе? – обратилась низенькая лучисто-жизнерадостная Феофания.

Овалом лица, сложением и интересом к жизни она дублировала Любаву, правда, являлась ее затемненной копией. В отличие от светло-русой подруги, волосы у Феофании были черные и пышные. На этом различия заканчивались. Те же круглые щеки, те же маленькие глаза с хитринкой, которые даже моргали у обеих, казалось, строго синхронно... Дежа вю, разнесенное по краям спектра. Когда черное и белое выглядит, мыслит и действует абсолютно похоже, возникают сомнения в собственной вменяемости. Понятно, что это простое совпадение, но какой глубокий смысл...

Варвара бесцеремонно кивнула:

– Конечно.

– Нет! – возмутился я.

Попытку вырваться пресекли, бесконечное количество рук и несколько коленей вжали меня в лиственный ворох.

– Молчи, сейчас ты инвентарь, – прошептала Варвара. – Не мешай просвещению молодежи.

Я обратился в песочный замок, готовый рассыпаться от малейшего прикосновения. Единственным бараном в стаде овец я весь день тихо радовался нежданно свалившейся ситуации. Сейчас стало не до смеха.

– Какой инвентарь?! – Я принялся извиваться. – Думай, что говоришь!

Меня удержали. Крепкие Ярослава и Антонина оседлали мои ноги за спиной сдвинувшейся вперед Варвары. Александра, Феофания, Ефросинья и даже растерянно моргнувшая Кристина, которая, извиняясь, развела руками, навалились гурьбой, и их колени восстановили мою неподвижность.

Перед лицом возникли большие глаза Клары.

– Не надо, – попросила она. – Не шевелись.

– Клара! – взмолился я. – Но ты-то...

Пока другие, спеленав ногами и сжав пальцами, держали мои вырывавшиеся руки, она успокаивающе гладила меня по голове. Самая скромная. Самая застенчивая. Как же?!

– Это урок, – объяснила она. – Согласись, лучше изучать предмет на достойном материале, чем абы как, с кем и где.

Вот так. Меня превратили в учебное пособие.

Варварины глаза странно сощурились, чуточку надменно и проказливо:

– Прошу заметить, я выполняю приказ – приказ провести урок. Приказ отдан в присутствии готовых подтвердить свидетелей, апелляция невозможна.

– Я отменяю приказ!

– «Я слушаю умных, но верю только верным, в этом состоит мудрость!» – напомнила Варвара. – Верность слову – превыше всего. Береги честь и репутацию, потом они сэберегут тебя.

Она улыбнулась настолько самодовольно, словно утопила противника в общественном сортире. Затем кивнула Кларе:

– Продолжи молитву.

– «Я забочусь о своем здоровье, ведь потом оно позаботится обо мне», – смущенно улыбаясь, продекламировала Клара, самая застенчивая и наивная ученица потока.

Клара Ольгина, царица Кацармы и Трех озер, не менее чем на год отставала от меня в возрасте. В далекие времена учебы в школе она казалась шишомодявкой, которую невозможно принимать всерьез, но мысли про мальчиков посещали самую мелкую царицу уже тогда. Впрочем, такие мысли там всех посещали. Это нормально для варившихся в собственном соку девчонок-тинейджеров. Возраст такой. Меня тоже присутствие противоположного пола, ничуть не стеснявшегося новой «царицы», не оставляло равнодушным.

– Именно, здоровье! – Варвара, вольготно чувствующая себя на моих бедрах, подняла палец и склонилась надо мной. – Плюешь на репутацию – подумай о здоровье. Своим и чужом. Ты же командир как-никак. Пока. Кристина, дальше.

– «Я помогаю окружающим, ведь потом они помогут мне», – четко выдала пунцовая Кристина, прикрывая лицо кучеряшками.

Наверное, потому, что сидела на моем запястье. Оно чувствовало, как все спрятанное счастливо открывается навстречу, расцветая и превращаясь из сплюснутой спящей красавицы в танцующую принцессу. Я пытался усилием воли прекратить мятеж не желавшего подчиняться организма. Безрезультатно.

– Помогай, и помогут! – укоризненно втолковывала мне Варвара. Выждав театральную паузу, она победно завершила: – «Я так живу и примером учу детей. Алле хвала!»

– Алле хвала! – хором поддержали ученицы.

Вспомнилась восточная поговорка: для побежденных спасение одно – не мечтать о спасении. А американцев с детства учат: если на вас напали, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие.

– Делайте, что хотите, – в сердцах выдал я.

Спасение – не мечтать о спасении.

Царицы заметили перемену. Удовлетворенно поерзав, они утихомирились и заняли места в партере и на балконах согласно купленным билетам. Повеяло видимостью покоя.

Нервозность не исчезла, ее просто прикрыли ширмочкой-временкой, чтоб зрелище не заслоняла. Варвара начала учительствовать:

– Все знают: женщина – алмаз, который при правильной огранке превращается в бриллиант.

Два пальчика подцепили краешек кожицы, словно нашкодившего пацаненка за ухо, и потянули вверх.

– Гранят вот этим, – показала она.

Все посмотрели. Вскинутый клюв пеликана имел кожистый зоб, привлечший внимание «преподавательницы». Впрочем, можно без кавычек – сейчас она ею являлась.

– Здесь производится семя.

Ее собранная горсткой ладонь коснулась предмета исследования. Кошелечек с драгоценностями съежился, внутренности слились воедино и испуганно спрятались.

– Ждем, – объявила Варвара.

Мир замер в ожидании чуда. От остатков костра тянуло дымком. Листья и трава подомной смялись в тонюсенький коврик, придавленный распластанным телом и еще многими, прижимавшими сверху. В земле постепенно появлялась удобная выемка.

Через некоторое время обидевшееся на незваное вторжение пособие опасно расслабилось.

– Похоже на мячик, который сшили из двух кусков, – рассказала Варвара тем, кто не мог разглядеть подробностей.

За это время успокоенное пособие приняло предложенную дружбу. Распустившись весенней почкой, оно под восторженные возгласы доверчиво опустилось в принявшую руку.

– Самое нежное место. И самое болевое. Удар по нему... – Варвара задумчиво покатала шарики в ладони и поправилась, – по ним, причиняет мужчине дикие страдания и мгновенно выводит из строя. Это необходимо запомнить. Повторите.

– Самое нежное место... – начала Кристина и поперхнулась, получив локтем в бок.

– Удар по ним причиняет мужчине дикие страдания и мгновенно выводит из строя, – уже нормально отработовали ученицы.

Преподавательский перст прогулялся по рубцу шва:

– Видите, словно грубыми стежками сверху вниз зашивали.

– У Чапы было ранение? – Ладонка Майи с сочувствием погладила мою грудь.

Ярослава прыснула. Нос Ефросиньи презрительно сморщился, поджатые губки словно плюнули:

– У нас разрез, у них на этом месте шов.

Купол голов заволновался, свисавшие локоны всех цветов и размеров колыхнулись, словно я отдыхал под кроной плакучей ивы и попал под порыв ветра. Только ива оказалась странная: плодоносила кокосами, вывернутыми наизнанку.

Собственно, в этом мире все наизнанку.

– Сросшийся шов напоминает о первом человеке, ибо, как известно, сначала была женщина, – провела Варвара ликбез для непосвященных. – С тех пор любой родившийся мужчиной изначально задумывается как женщина, и лишь во время вынашивания Алла-непознаваемая, да простит Она нас и примет, определяет ему незавидную судьбу самца. Доказательства перед глазами. Шов и... кто назовет второе?

Пока большинство недоуменно хлопало глазами, из второго ряда высказалась Амалия:

– Грудь.

– Правильно, соски на груди. Для чего они нужны мужчине?

– Мужские соски могут пригодиться женщине, – нежданно выдала Ярослава – шикарная платиновая блондинка, самая яркая из присутствующих в плане женственности и чувственности. А по части куража Ярослава дала бы сто очков вперед нашей главной заводиле.

Интрига удалась. Тишина позволила слушать полет облаков.

Последовало задорное продолжение:

– Их можно покусывать в момент...

– Мужчину много куда можно покусывать, – перебила Варвара.

– Согласна, не довод, – не стала спорить ухмыльнувшаяся блондинка. – Но и не повод не покусывать.

– Вернемся к уроку. Все посмотрели природные доказательства женского первородства?

– Нет!!!

Дюжина любопытных мордашек ринулась изучать самое для меня дорогое. Множество опирающихся ладоней напоздали одна на другую, занимая все доступное пространство на бедрах, животе и грудной клетке. Маленькие, большие, прямые, вздернутые и приплюснутые носы внюхивались в терпкий мужской аромат, лица отшатывались в изумлении и вновь приближались: на антресолях памяти новый запах не находил соответствующей полочки. Невероятный и мощный, он вновь и вновь манил их, как электросварка ребенка.

– Не пойму. – Майя в задумчивости потеряла свой курносый прибор, только что дважды побывавший на другой планете – видимо, проведенный опыт дал больше вопросов, чем ответов. – Как охарактеризовать то, что одновременно отталкивает и притягивает?

– Иначе говоря, пахнет сразу хорошо и плохо, – перевела Антонина, благодаря расположению и могучему торсу совершившая уже несколько весьма долгих «поклонений» наворочанному клубку странностей. Остальные теснили и отталкивали друг друга, но не ее: кому охота бороться с горой, готовой уронить или подмять, а потом извращенной логикой еще сделать тебя же виноватой?

– То, что одновременно благоухает и наоборот, называется «благовоние», – не замедлила подколоть Ярослава.

Ее прямой нос только раз ткнулся в доселе неведомое. Зелень сошедшихся глаз проявила недолгий интерес, ноздри вздулись. Не найдя для себя ничего нового, царевна не стала мешать суетившимся неофиткам.

– Привыкнете – понравится, – философски завершила Варвара парфюмную дискуссию.

– А если не понравится? – донеслось из-за моей головы.

Клара. Оказывается, в мельтешении носов в районе былой недоступности эта царевна участия не принимала. Немудрено не заметить, когда вокруг такое.

Кларе ответила Ярослава, поскольку преподавательница занялась наведением порядка в очереди, грозившей дойти до драки.

– Это не может не понравиться.

– Может, – категорическим тоном объявила Ефросинья. – Но это не важно.

– А если все-таки? По-моему, это важно.

Кларин маленький носик лишь немного высывался, участвуя в общем оживлении на правах бедного родственника – она просто стеснялась вылезти на первый план. Если стеснялась меня, то поступала глупо: и без ее невеликих радостей взору хватало объектов приложения. Что примечательно, разных и, в отличие от застенчивой ученицы, совершенно не стыдившихся. Море наготы бушевало у подножия одинокой скалы, а возглавляла фестиваль плоти, устроенный для одного отдельно взятого пособия, возвышавшаяся над этим морем преподавательница. Ее дары природы кругло глядели по-птичьи в разные стороны, но видели, уверен, исключительно меня. Двигались они синхронно с моим взором, словно сопровождавшие цель радары.

– Если не понравится, придется заставлять мужей мыться по десять раз на дню и использовать травяные кремы, – сообщила Кларе Варвара. – Но если мужья будут любимыми, то понравится. Запах любимого человека не может не нравиться.

– Даже вонь? – ядовито сощурилась Ефросинья.

Вопрос заинтересовал еще нескольких, головы замерли в разных странных положениях, символизирующих весь спектр эмоций от испуга до плотоядной жажды каннибала, склонившегося для пожрать.

– Вонючку вы не полюбите, – успокоила Варвара.

Ярослава ехидно добавила:

– А если полюбите, то либо он не такой уж вонючка, либо вы этого вонючки достойны.

– Или у него есть другие достоинства, на фоне которых запах потеряется, – вбросила Ефросинья.

– Какие?! – Произошло торжественное и непроизвольное открытие сразу нескольких ртов.

Лица вытянулись, глаза округлились. Меня окружила выставка пародий на Мунковский «Крик» – очертания были те же, только эмоция другая. Место ужаса занимало изумление, граничившее с отказом верить ушам.

– Позже узнаете, – в стиле «пути Господни неисповедимы» закрыла тему преподавательница.

В ее направленном на меня смеющемся прищуре хитро поблескивало, словно весь бедлам устроен исключительно ради проверки моей скромной персоны на прочность.

Когда покрытые пупырышками бархатные морщинки были исследованы вдоль и поперек, а выступавший шов опробован нескончаемой очередью пальцев, взгляд Варвары поднялся к основной части пособия.

– Еще до ложных пророков существовал дикий обычай. Вот это, – ее пальчики вновь приподняли сморщенный краешек, потянувшийся вверх будто жвачка, – отрезали еще в детстве, чтоб у мальчиков не собиралась под ней выделявшаяся природная смазка.

– Что за смазка? – недоверчиво взметнулась левая бровь Антонины. – Как у нас? Что в ней плохого?

– В самой смазке ничего, но когда она долго скапливается, начинается раздражение. Затем воспаление. Кончается все очень плохо как для самого обладателя заразы, так и его жены, если имеется.

– Кошмар, – ужаснулась Майя. – А как сейчас борются с этим злом?

– Моют.

Царевны не знали, плакать или смеяться. Варвара весело продолжила:

– Да, все так просто.

– А они, значит, не догадывались? – привычно съехидничала Антонина. – Непроходимо тупые были? Или мы теперь настолько поумнели?

– Этим занимались до того, как наши предки нашли и вывели наружу подземные ключи и обустроили озерную сеть. Нет воды – не помоешься. Проблему решали радикально.

– Но это же больно! – не выдержала Кристина. – И... там самое чувствительное их место!

Варвара равнодушно сообщила:

– Становилось нечувствительным.

– Совсем?!

– В меру.

– Жуткие были времена, – передернула плечами Кристина.

Видимо, живое воображение не отпускало.

– Бывали времена еще хуже. В некоторых племенах женщинам удаляли лампаду счастья над райской дверцей. Иногда вырезали дверные створочки и даже внешние ворота.

– Кто вырезал?!

– Мужчины, – столь же флегматично ответила Варвара.

Все взгляды недобро и задумчиво сошлись на мне. Ненадолго. Любопытство пересилило. Очень вовремя последовало продолжение:

– Напоминаю четыре составляющие ловиласки: боль, болезни, дети, удовольствие.

– Слышали уже! – недовольно выпрямилась статная Ярославка.

– Мало слышать, нужно, чтоб на носу зарубилось. Чтоб ночью разбудили – и без запинки! Усекли? Продолжаю. Так вот, четыре составляющих могут приходить в любом сочетании.

Ученицы вытаращили глаза:

– Как это?!

- Бывают поодиночке, попарно, втроем или все вместе.
- Объясни, – задумчиво потребовала Антонина.
- Разберем по очереди, – сказала Варвара, мелко поерзывая на моих коленях. – Первое.

Боль.

– Это когда в первый раз, – выдала умненькая Клара, обведя всех торжествующим взором: типа, вот что я знаю!

- И когда не хочешь, – скривила губы Ярослава.

Множество лиц создало сквозняк, разом хлопнув ресницами:

- Так бывает?!

До Клары даже не дошло:

- Не хочешь боли? Кто же ее хочет?

- Когда не хочешь этого, – Варвара потрясла плененным пособием, – а надо.

- Зачем же, если не хочешь? – не успокаивалась Клара.

Удивленная застенчивая улыбка блуждала по наивно-благодному личику совершеннейшего ребенка, который случайно оказался в теле повзрослевшей девушки.

– Мама говорит: поживи одновременно с тремя любимыми мужчинами с мое – и узнаешь, – вставила мудрая Амалия.

– Еще – когда тебя не спрашивают, – дополнила Ефросинья, чьи худоба и впалые щеки могли быть как результатом плена, так и особенностью сложения организма. – Например, разбойники. Убирая в формуле «живой и невредимой» вторую часть.

Она с намеком покосилась на меня. К моему ужасу, так сделали еще несколько человек. Повод задуматься, и весьма неприятный. Он касался Томи, ее пленения рыцарями. Ведь меня считали ее официальным невестором.

Варвара быстро продолжила:

- Или когда слишком много и долго.
- Или когда слишком мало и коротко, – цинично хохотнула Ярослава.
- И от удовольствия, – закончила перечень самопровозглашенная преподавательница.

Повисла недоуменная тишина.

- К этому еще вернемся, – успокоила Варвара. – Теперь второе. Болезни.

Из-за ее спины выглядывала вечно хмурая Антонина. Рослая, широкая в груди и плечах, она казалась еще выше из-за пышности форм и величины выросших, как на дрожжах, выпуклостей. Рядом сидела на корточках плотненькая Майя, крепко сжимая ноги и выдерживая вес прятанной позади Любавы. Заигрывала с моей рукой Кристина, обнимая собой и мечтательно наматывая на палец черный локон. Мелкая Клара стыдливо прикрывалась руками за моей головой – тихая и миниатюрная, словно куколка, но с совсем не кукольными формами. Точнее, формочками. Предсказывать – дело неблагодарное, но что-то говорило, что в ближайшую пару лет она составит конкуренцию нынешним звездам царственного пантеона – сочно-выпуклой Варваре и отточенно-изящной Ярославе. Рядом с Кларой расположилась Феофания – невысокая хохотушка, темноволосый дубликат светло-русой Любавы. Плотные плечи Феофании притерлись к хлипким локтям чуть более высокой, вечно настороженной Ефросиньи, оседлавшей мою вторую руку. Ее жидкие волосы отдавали рыжиной, но в сумраке этот момент терялся, превращая их просто в темные. Зато рядом, коленями к моим ребрам, восседала обладательница самых длинных и самых красивых волос в этой компании, стройная и строгая Александра. Тонкие плечи переходили в узкую грудную клетку, обрисованную мелко, но невероятно грациозно. Блестящая светлая завеса укрывала ее от чужих взоров не хуже отсутствовавшей одежды. Почему-то это волновало. Будучи выше соседствовавшей Ефросиньи, ростом Александра все же не дотягивала до завершавшей первый круг Ярославы, которая придерживала своим весом мою ногу по другую сторону от Варвары. Между их голов

в разных местах периодически появлялись и вновь исчезали лица Амалии и еще одной ученицы, все время путаю ее имя.

Жестко обхватив мои бедра своими, Варвара вещала:

– Основная часть болезней передается внесением внутрь вот этой штукой... – она снова потрясла пособием, как первоклашка звоночком первого сентября, – ...побывавшей в зараженной сопернице.

– Голову рубить за такое! – всколыхнуло Антонину.

– Сжигать! На кусочки резать! Кожу содрать и к волкам выпустить! – эмоционально внесли раппредложения прочие царевны.

– Так и поступают, но лучше предупредить проблему, чем потом с блеском ее полурешить. Инфекция-то будет занесена. Главное – знать партнера и доверять ему. Если понадеялись, но вдруг стало краснеть, чесаться, гноиться, нарывать, выделяться что-то лишнее или вырастать неправильные родинки – зря доверяли.

Многие подозрительно уставилась на свои и чужие родинки. Штучно разбросанные по телам, предметы пристального внимания заставили царевен выгибаться и крутить головами, отыскивая на себе и соседках, и хором ужасаться. Если некоторые просто шевелили рассматриваемыми конечностями, плоскостями и выпуклостями, то Любава особо выворачивалась за левый бок, где у нее, видимо, имелось что-то в указанном роде. Перебирание коленями по траве привело к эффекту собаки, которая ловит хвост. В несколько движений царевну развернуло, и на пояснице действительно оказалась большая темная точка, а ниже по всему фронту обнаружилась целая россыпь мелких пятнышек. Они напоминали веснушки, столь же милые и задорные, только на другом месте. Эту особенность, о которой ни за что не догадаться ночью, мне открыли рассветные сумерки и сама светленькая неунывашка, внезапно усомнившаяся в мировой справедливости.

Ярослава ласково погладила Любаву, успокаивая.

– Это другое. А о болезни сразу узнаешь по внешнему виду. – С апломбом много повидавшего человека зеленоглазая красotka кивнула вперед, на стойкий предмет споров.

Клара обреченно всплеснула руками.

– Для этого в них нужно разбираться! – Вместе со всеми ее взор конфузливо скакнул на зону возбужденного внимания. – Как я отличу больное от здорового?!

– Поверь, это произойдет быстро, – приятельски толкнула ее плечом Ярослава, снова оказываясь в центре событий.

Мой взгляд, даже не желая, раз за разом выцеплял красавицу из общей массы. Привлекали чеканность черт лица, выразительность глаз и – как нечто отдельное, не от мира сего – раздвинутый в циничной ухмылочке, чувственный, многообещающий рот. За этим, впрочем, прятались присущие любому представителю молодежи колючесть и неустроенность. Красота без поклонения меркнет, а кроме меня в пределах досягаемости из кавалеров только бандиты, от которых сбежали. Но как ни хотелось Ярославе хотя бы моего внимания, поперек Варвары не лезла, понимала – себе дороже. Редкое сочетание: красавица, да еще и умница. Не к добру.

– Больного по виду узнать можно, – признала Варвара, – а переносчика – нет.

Ученицы мрачно примолкли. Трескуче прошумели кроны от внезапного порыва. На мою щеку спланировал сухой лист, заботливая рука Клары убрала его.

– Третье, – объявила Варвара.

– Дети! – обрадовано вспомнила Феофания.

Пока одна преподавательская рука придерживала верхнюю часть пособия, вторая опустилась к волнующейся бархатистой пупырчатости.

– Здесь ежедневно всходят ростками маленьких жизней десятки миллионов семян.

– Сколько?!

– Не ослышались.

– Ежедневно?!

Варвара кивнула:

– По необходимости – несколько раз в день. Нет, скажем так: если получится. От семидесяти миллионов жизней за один раз. Цели достигает только одна – самая быстрая, самая умная, самая сильная. Тогда получаемся мы, выигравшие свою первую битву со столькими конкурентами.

Майя весело переглянулась с другими царевнами:

– А мы крутые!

Затем ее взор перетек на меня... и на целую секунду загрустил.

Нас связывал поцелуй. Даже так: Поцелуй, с большой буквы. Чувственный, страстный, незабываемый. Каждый из нас думал в ту минуту, что через миг будет растерзан и съеден заживо. Я хотел спасти царевну от страшной смерти, заколов мечом, а вместо этого – поцеловал. И поцелуй длиной в жизнь вывел нас в новую жизнь. А сейчас я стал общим достоянием, в новой реальности поцелуй перестал котироваться и обесценился до нуля, съеденный инфляцией впечатлений.

Чуть выдвинувшаяся вперед Александра склонила золотой занавес сначала по одну, затем по другую сторону моей середины. Наконец, окружила сверху, как абажуром лампочку.

– А то, что самая важная часть пособия немного... несимметрична, это нормально? – Две голени сочли мои ребра удачной подставкой. Ладони оперлись о живот.

– Абсолютно прямых в природе не бывает, – растолковала Варвара. – Просто не бывает, поверьте. У кого-то загиб вверх, у кого-то вниз. Или вбок. Может утолщаться в середине или к концу. Или конусообразно утоньшаться. И маленький гриб с непомерной шляпкой, и баклажан со сливкой на конце – это все норма. Как у нас может быть шире, выше, уже, глубже, бледнее или, наоборот, краснее и даже коричневее. Или одна створка может оказаться длиннее второй.

– Или толще, – упало с уст Ярославы, у которой, как мне теперь бесцеремонно стало известно, такой проблемы не было.

– Да, – согласилась преподавательница.

– Или выпуклее, – прилетело еще откуда-то.

– Тоже нормально. У одной снаружи листва, как на дереве, у другой – глухие ставни с едва заметной щелкой. Или вообще без ставен, сразу окно и занавесочки. Чего только не бывает. Вернись на место.

Варвара отстранила златовласую выскочку, затем суровый преподавательский взгляд успокоил завожившихся царевен, начавших присматриваться и сравнивать. Мои ребра и живот вздохнули с облегчением... и небольшой грустью. Все-таки Александра это... Александра. Стройная чувственная златовласка. Наполовину Зарина. Но не сидевшая в душе столь глубоко, потому тревожившая лишь тем, что привлекает совсем не душу.

(Сейчас речь не о Зарине, но о ней я еще не раз упомяну, в том числе более обстоятельно).

– А позы проходить будем? – не совсем в тему осведомилась Антонина.

Вопрос не остался без ответа.

– Пока скажу основное. Они делятся не столько по расположению и способам, сколько просто на мужские и женские. – Варвара оглядела окаменевших во внимании учениц. – Название дается по тому, кто действует. Мужские позы – когда вы не активны – мы не рассматриваем даже в принципе. Если когда-нибудь захочется для разнообразия, можно им разрешить – исключительно в виде великого одолжения. Или в качестве благодарности за нечто неслыханное.

– То, что Чапа спас всех нас от смерти и позора, – неожиданно выдала Любава, – это неслыханное? Или с нашей стороны пойдет в категорию одолжения?

Я напрягся. Собственно, все напряглись – замерли, не смея шелохнуться. Тела на моих руках задышали жаром.

С высказанной точки зрения ситуацию никто не рассматривал – до этого момента. Теперь все задумались. Особенно я.

Барварин лоб сошелся к центру недовольными вертикальными полосами:

– Он мужчина и выполнял приказ. За это не благодарят.

– За что тогда благодарят? – недоумевали царевны.

– Ни за что. Как не поймете? Женщина – объект поклонения, а не бартера. Докажет, что достоин – станет мужем. Не достоин – не муж. Все просто.

Я облегченно выдохнул. Формула мне понравилась, хоть и произнесена идейным противником.

А информационный ликбез продолжался.

– Семена выходят с салютом, который доставляет мужчине удовольствие. Можно сказать, единственное удовольствие. Других они не знают или не признают. Тем же путем из их организмов выводится лишняя жидкость.

– Фу! – дернулись и отпрянули некоторые ученицы.

Клара удивленно оглянулась:

– Почему «фу»? Они в нас пописают и там завяжутся деточки...

Царевны заржали лошадьми, укушенными мухами це-це. Не знаю, что за це-це такое, я бы ржал от одного названия.

Клара обиделась:

– Что не так?

Вечно испытывавшая неловкость, теперь она совсем смутилась.

– Это разные процессы, – выговорила Варвара, вытирая слезы. – А чтобы одно не испортило другое, в преддверии салюта выделяется особая очищающая капля. В ней тоже несколько тысяч жизней.

Ярослава вздрогнула:

– Разве?

Барварин кулак скользнул вниз, упершись основанием в ребристые морщинки. Недовольное скуластое личико фантастического монстра продралось из тела носителя. Открылся изумленный ротик новорожденного. Застывшие лица учениц глядели на него очумело, как на невиданное чудо. Застеснявшись внимания, он спрятался обратно, закутавшись в капюшончик.

– Ой, какой гладкий внутри! – умилилась Любава.

Ее ладошки взлетели, прижавшись к щекам. Не будь вокруг столько народу, наверняка бы приласкала, погладила, а то и поцеловала. Как котенка. Хотя, откуда здесь котята? Вот и находят себе игрушки.

«Спички детям не игрушка!» – хотелось крикнуть.

«Ты уверен?» – категорически не соглашалось со мной присутствующее на полянке электоральное большинство с перевесом в тысячу двести процентов. Один в поле не воин – вполне демократический принцип, и будь я искренним демократом, лежал бы и не дергался, если голосованием постановили. В моей ситуации просто до зарезу хотелось быть отъявленным демократом. Однако, я противник любых правил, по которым меня заставляют играть другие. Демократия – тоже свод правил, с его помощью не хуже чем в самой жесткой монархии одни правят другими и грабят третьих. Как говорил Черчилль, демократия – плохая форма правления, но ничего лучше еще не придумали. Все авторитарные правители восхищаются демократией. И все эффективные демократические лидеры на каком-то этапе ведут себя как диктаторы. Здесь не о чем спорить, достаточно вспомнить историю любой страны, которая чего-то добивалась или, наоборот, что-то теряла. Подчинение меньшинства большинству – чушь

и блажь, в которую хочется верить слабым. Собрались вместе двадцать львов и сто баранов – кто из них большинство?

И все же сейчас я с удовольствием стал бы поборником самой захудалой демократии. Да и любой бы, кто оказался на моем месте. На том и стоит счастье принятия решений голосованием – в перекладывании ответственности на других, когда хочется сделать что-то бессовестное. Если кто-то говорит, что от него ничего не зависит – врет, позорно и трусливо. Всегда и все зависит от каждого.

Но так хочется быть демократом...

– О! – вырвалось у Варвары, застопорившей взор на предмете урока, – о чем и говорю!

Мешая друг другу, все тесно склонились ко мне, почти на меня. Осторожно ткнули пальчиками, набирая на кончик. Внимательно внюхались. Александра и Майя не побрезговали лизнуть. Кто-то просто не дотянулся и опоздал.

– Живчики живут внутри нас трое суток, – выровнявшимся тоном продолжила Варвара, – самые упорные – до недели. Этот факт требует задуматься и подводит нас к следующей теме – женскому циклу. В противоположность красным дням, белые – это дни ребенка.

– Их можно как-то узнать? – поинтересовалась Амалия. – Ну, почувствовать?

Сдержанность и нежелание выпячиваться проявлялись в ней во всем: в кротких чертах лицах, в невыразительной, скромно выпуклой фигурке, в коротко обрезанных волосах и, особенно, в глубоком взгляде – отстраненном и одновременно вьедливом. Но если ее что-то интересовало, она шла до конца.

– Можно – внимательно наблюдая за собой, – ответила преподавательница. – У кого-то бывает легкая боль внизу живота, набухает грудь, иногда побаливает. В худших случаях – тошнота и выделения.

Ярослава лукаво осведомилась:

– А если меня интересуют не дни ребенка, а, как бы мягче выразиться, наоборот?

– В красно-белом цикле есть зеленые дни. Примерно по пять до и после красных, – сообщила Варвара. – Это то, о чем ты говоришь.

– Третьей составляющей не будет?

– Вероятность минимальна по сравнению с другими днями.

– Как превратить ее в ноль? – вклинилась Антонина, распахив соседок могучими плечами.

– Ноля не бывает, – вздохнула Варвара, – поскольку у организмов нередко случаются нарушения жестких красно-белых циклов. Их нельзя предугадать.

– Нарушение цикла вообще-то имеет имя, – улыбнулась в ладонь Ярослава.

Преподавательница чуть шевельнула бровью в ее сторону:

– Я не о беременности, а именно о нарушении, о сдвигах, которые часто нам самим незаметны. Они бывают от переполнявшего восторга или, наоборот, от хандры. Чаше именно у молодежи вроде нас.

– И ничего не поделать?! – ужаснулась Кристина.

– Есть способы. Сейчас рассмотрим.

Но рассматривать Варвара стала что-то не то. Правда, голос ее, который жил собственной жизнью, принялся выдавать как бы заученные слова, далекие от напряженно-жадного взгляда:

– Некоторые используют вклады, пропитанные кислой средой. Это абсолютно ненадежно и к тому же небезопасно. Точнее, опасно, и еще как.

– А с мужчиной в этой сфере что-то сделать можно? – проворчала Антонина.

Вопрос заинтриговал всех. Первое же слово вызвало ликование:

– Можно. Вот эта часть... – преподавательская ладонь поиграла с нижним пособием, словно с плюшевым хомячком: побаюкала, пощекотала, потрясла легонько и лишь потом нехотя отпустила на волю, – ...обычно или тугая как мячик, или висит как мешочек. Нужно

нагреть ее в воде, чтоб висела как можно ниже. Живчики не погибают, но замедляются. Некоторый эффект имеется. Главное, не сварить вкрутую.

Боже, что за садистские советы. В моем мире до подобной жести только дикие племена додумались...

А кто сказал, что страна башен – не дикое племя, если поглядеть со стороны? Не знаю всех определений дикости с точки зрения науки, но здесь они явно присутствуют. Вера в Великую Мать под именем Аллы, отсутствие прогресса и торговли, ликвидация неудобных и убийство почти всех чужих...

Губки Майи удрученно выпятились:

– Это все?

Покатые плечи в сочетании с плотным тельцем, широкой, почти незаметной талией и белой кожей при темных волосах вверху и внизу придавали ей вид оказавшегося в новом месте любознательного пингвина, который отправился за приключениями. Пингвин переступал лапками, иногда толкал соседей, но в целом был весьма усидчив и мил. Он не позволял себе лишнего и периодически сдерживал чересчур разошедшихся соседок. А разойтись в ситуации абсолютной свободы хотелось многим, даже тем, кто такого подумать о себе не мог.

– Говорят, существуют особые травяные пилюли, – поделилась Кристина где-то подслушанным.

– За ними нужно обращаться к врачевательницам, и далеко не к каждой. – В плане знаний Варвара чувствовала себя на коне среди пеших. – Составление подобных снадобий требует особого мастерства. Для профанов лучшее средство – мужская накидка из кишок или, иногда, из мягкой кожи. Товар штучный, редкий, но безумно полезный. Ценное качество – защищает также от большинства болезней.

– А если не доводить до салюта? – выдался у Амалии случай козырнуть информированностью.

– Тоже приемлемое средство, – признала Варвара, – если помнить про вторую составляющую и про появление у мужчин особой подготавливающей капли с жизнями.

– Как распознать ее приближение? – взбудоражились девочки.

Пожатие плеч:

– Никак.

– А он, – сразу с десятков пальцев уперлись в мою грудь, – не подскажет?

– Он сам будет в шоке. – Преподавательница живописно развела руками. – Она неконтролируема.

Лица погрустнели, донесся скрежет мыслей и хруст надежд. Варвара опомнилась, всколыхнув унылое болото заявлением:

– Как я говорила, все составляющие ловиласки приходят в разных сочетаниях. Наша задача – выбрать нужные и отсеять лишние.

– Болезни выкидываем в любом случае, – сообразила Любава.

– И боль, – вырвалось у Кристины.

– Насчет боли... – Варвара чуть повела бровью. – Не все так однозначно.

– Да, ты обещала дополнить тему боли, – вспомнили царевны.

– Есть еще два пункта, – признала Варвара. – Боль от удовольствия и удовольствие от боли.

Рты разинулись, и девичьи лица вытянулись, словно у изображения на экране сменили формат. Варвара быстро продолжила:

– Это просто для информации, знать, что в нашей многогранной жизни и такое бывает. Итак. – Она подвела итог. – Помним о болезнях и боли и думаем о детях и удовольствии. Вопросы есть?

– Когда доберемся до четвертой составляющей?

- Как раз подошли, – успокоила Варвара собравшихся.
- Когда возбужденный гул утих, она спросила:
- Что нужно для удовольствия?
- Муж, – предположила Клара.
- Любой симпатичный мужчина, – процедила Антонина.
- Любой мужчина, – со смехом выдала Ефросинья.
- Не весь, – последовало ироничное уточнение Ярославы.
- Взаимная симпатия, – внесла свое видение Амалия.
- Отсутствие посторонних, – уведомила Александра.
- Ну, я бы поспорила, – не согласилась Ярослава. – Иногда...
- Темнота, – перебила Майя.
- Свет, – не сдавалась Ярослава.
- Постель, – снова рискнула вставить Клара.
- Вот уж без чего можно обойтись, – фыркнула со своей стороны Ефросинья.
- Нежность, – мечтательно поделилась Любава.
- Жесткость, – отпарировала Ярослава.
- Романтика, – опасливо косясь на Ярославу, проговорила Феофания.
- Та красноречиво хмыкнула, но смолчала.
- Искренность, – оживилась Кристина.
- Ощущение тайны, – осмелела Майя.
- Раскрепощенность, – выпалила Александра.
- Свободное время, – сыронизировала Антонина, сразу показав мимикой, что так не думает, а только шутит. Но как бы просит не забывать, что в каждой шутке только доля шутки.
- Чапа, а ты что молчишь? – внезапно вспомнила обо мне преподавательница. – Выскажи мужское мнение. Интересно послушать соратника и противника в одном лице.
- Желание, – проворчал я.
- Переглянувшись, все кивнули.
- Все сказанное может быть правдой, – согласилась Варвара. – Но. Удовольствие от ловиласки невозможно без доверия между партнерами.
- Правильно! – колыхнулись ученицы в едином порыве. – Это главное!
- Чапа, – пришпорила Варвара мои бедра своими, – сколько партнерш отведали твоей ловиласки?
- Что за допрос?!
- Отвечай, это необходимая часть урока, без которой нельзя идти дальше.
- Не я учусь, а вы!
- Мы учимся на тебе. Перечисляй. Тома – раз. Или кто-то был до нее? Постой, почему так скривился по поводу Тома? У вас не было?!
- Я молчал, прикусив язык и мечтая, чтоб дурной сон поскорее закончился. Лица вокруг изумлялись, недоверчиво хмурились, любопытно высовывались. Ниже хоровода лиц выпячивалась невероятная гирлянда из молочно-белых шаров и шариков. Варвара ликующе наседала:
- Не было?! Если не было даже с Томой... – Она обвела всех торжествующим взором. – Девочки! У нас идеальный объект!
- Алле хвала! – оглушили восторженные крики с разных сторон.
- Если нас ищут, сейчас врагу стоило просто прислушаться, и приходи, бери голыми руками. Успокаивало одно: ночь. В этих краях ночью не воюют. И не без причин.
- Варвара торжественно проговорила:
- Муха Еленин прозвищем Чапа, готов ли ты в присутствии полутора десятков благородных свидетелей объявить о своей чистоте, зная, чем грозит ложь?

Я вновь попытался вырваться. Все равно, что тле спастись из лап и жвал орды муравьев. Там, где меня прижимали весом, теперь еще схватили руками, даже на грудь оперлись и облокотились для пушей надежности.

– Мы ждем ответа. Честного, искреннего, безусловного.

– Чего вы хотите?!

– Просто ответь. Ты возвращался в лоно любви?

– В каком смысле «возвращался»?

Варвара с укором покачала головой:

– Ты же как-то родился? Или ты черт, возникший на причале?

– Я родился! – почти выкрикнул я. Несмотря на общий жар, лоб покрылся испариной. – Моя мама – Елена!

Святой причал – так они называют портал, место перехода из нашего мира в этот. Молитва встречи, которую каждого заставляют зубрить с детства, гласит: «Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощником. Я отведу его в крепость. Я отдам жизнь за него не задумываясь. Если я встречу Падшего, я убью его». Остается напомнить, что ангелами местные считают прибывающих женщин, а Падшими или, другими словами, чертями – мужчин. Малейшего подозрения достаточно, чтобы разрушить мою конспирацию, и все пойдет прахом. Первые же встречные обязаны будут прикончить меня на месте. И даже те, кто явно симпатизирует. И они сделают это.

– Вот, – довольно кивнула Варвара, приняв мою панику за намерение сотрудничать. – Возвращался ли ты еще в какое-нибудь женское лоно?

Я стал красным на фоне насевших на меня бледных созданий, которые вцепились, как вампиры в жертву.

– Нет, – выдавило горло.

– Все слышали? – громко воскликнула Варвара. – Он сказал – нет!

– Алле хвала!

Меня сломали. Отжали, перемололи, развеяли по ветру. После выдачи секрета столь интимного, со мной можно было делать все.

– Что еще от меня хотите? – устало бросил я.

– Еще одного ответа, столь же честного и однозначного. Дарил ли ловиласку способами, состоящими или включающими комбинации лишь из трех составляющих?

Слишком заумно. Голова не работала, но край сознания понял и выдохнул за меня:

– Тоже.

– Тоже – что? – Им требовалась конкретика.

– Нет.

– Нет! – во всеуслышание повторила Варвара, вертя головой. – Нет!!

– Алле хвала! – откликнулся радостный хор.

– Все? – спросил я. – Довольны? Ты сказала, это последний вопрос.

– Вопрос – да.

– Что же еще?!

– Обычно урок завершается демонстрацией способов ловиласки по всем видам, как включающим, так и исключаящим третью составляющую.

– Демон... – я поперхнулся, – ...страцией?!

– Затем практические занятия.

– Практи... кхм. – Уши слышали, мозг не верил. – Общие, что ли?!

– Какие могут быть еще? Желаящие практикуются, нежелаящие совершенствуют наглядную теорию. Предмет обязаны освоить все. Можно не владеть копьем, но нельзя прожить без основополагающего – без умения дарить и принимать жизнь.

– У него тысячи жизней на пособии, – напомнила Амалия.

– Помню. – Варвара привстала на коленях. По шатру голов поползли беременные звездами трещины. Небо заглянуло в душу. Там оказалось так же пусто. – Поэтому начнем с...

Она остановилась, глубоко задумавшись и перебирая что-то в голове, лицо прыгнуло по сторонам:

– Еще один момент. За время плена рыкцари никого не принудили силой?

– К чему принудили? – моргнула Клара.

Антонина ехидно скривилась:

– А если не силой?

Решив, что Клара и сама догадается, Варвара с суровостью обернулась к возвышавшемуся над остальными крупному лицу Антонины:

– Если ты насчет меня, то здесь разговор особый, к нему еще вернемся. Итак, жду ответа, это принципиально.

Выждав с десятков секунд, она удовлетворенно кивнула.

– А до плена? – повис в сгущенном воздухе ее следующий вопрос. – Если у кого есть, что сказать, скажите сейчас. Необходима абсолютная чистота опыта.

Тишина. Стрельба взглядами. Конфузливое опускание век – не от желания скрыть, а от самой мысли, что подобное могло случиться.

– Тогда следующее: кто уже имел ловиласку без третьей составляющей?

После некоторого колебания нехотя приподнялась рука Ярославы.

– Да?! Расскажи! – набросились соседки.

Девушка отстранилась:

– Это к делу не относится.

– Ярослава права, она не в храме, чтобы отчитываться.

Тон преподавательницы не хуже шприца развеял приступ любопытства. Только после этого вздернулась и быстро упала рука Ефросиньи.

Права поговорка про тихий омут. К ней уже не проявили столь бурного внимания. Но заметку себе сделали все, еще пообсасывают косточки на досуге.

Я еще раз припомнил про себя услышанную ранее формулу, в ней фигурировали боль, болезни, дети, удовольствие. Стало предельно неудобно. Ну и допрос. Коснись такое меня – не факт, что рискнул бы признаться. Одно дело – чего-то не делать, поскольку считаю неприемлемым, и совсем другое – открыться окружающим в уже сотворенном. Оно уже произошло, и если было неправильным, то почему-то все же произошло! Ну, обстоятельства так сложились, что непредставимое почему-то оказалось допустимым. Психика – вещь странная и, честно говоря, предельно нелогичная. Нередко она взрослеет быстрее человека, не успевающего за ее прыжками. А иногда наоборот – плетется в хвосте за акселератором-инстинктом, шпыняемая за любую провинность или за то, что инстинкты для своего блага могут выставить ей в вину. И выставляют.

Вот и говорю: если даже я, старавшийся не лгать никому, особенно самому себе, не уверен, что нашел бы силы сказать правду, то как на моем месте поступил бы человек менее щепетильный? А здесь верили словам!

Впрочем, царевны – женщины, верить словам – их крест. Будем считать, что всем нам – им и мне – исключительно повезло.

– Ясно. – Варвара оглядела всех родительским взглядом. – Последнее. Все мы заперты детством на замочек, не разрешающий взрослости вторгнуться в непозволительное.

У меня вдруг выстрелило: замочек! В школе кладовица ничего надежнее щеколды представить не могла, а тут целый замочек. Царевны – дочки цариссы, и если такие слова и понятия им не в диковинку, то меня ждет еще много удивительных открытий.

О чем это я, каких еще открытий? Мне ли жаловаться на их недостаток? Будь моя воля, все открытия позакрывал бы к чертовой бабушке. Меньше знаешь – крепче спишь! Ну почему я не понимал этого прежде?..

Корябнуло по душе: «Будь моя воля». Главная проблема. Никого в этом мире моя воля не интересует. Оттого и лежу на травке, не властный над собственным телом.

– У кого замок сломан? – спросил строгий голос.

Снова отличилась Ярослава. В гордом одиночестве.

Нет. Медленно, багровея на глазах, к ней присоединилась... кажется, Софья – усредненно-никакая, похожая на всех, поступавшая как все. Человек без собственного мнения. Или это Анна? Не помню. Одна из них сейчас находилась в тройке выставленных часовых, в то время как вторая приподнятой рукой сообщала о себе прелюбопытнейшие подробности.

Зато Ефросинья не шелохнулась. Царевны вновь зашушукались. Я прибалдело лежал: придавленный, смиренный, но никак не равнодушный к происходящему. Оно напрямую касалось меня. Пока в основном рук и ног – очень касалось, и все свидетельствовало, что добром это не кончится. Правда, злом предстоявшее тоже не назовешь. Чем-то не посередине (если брать два этих главных понятия), а равноудаленно от середины – как если линейку согнуть кольцом и соединить концы. Противоположности сольются в одну точку. Вот ее я сейчас и ожидал – взрывную, добро-злую, немыслимую.

– Времени прошло много, нынешнюю чистоту гарантирую, – выдала Ярослава необходимую формулу.

– И я! – быстро присовокупила Анна-или-Софья, прячась за большой спиной Антонины.

Странно, но в отличие от других стеснявшихся учениц она укрывалась не от моего противоположнополого взора, а от излишнего внимания подруг. Как же, видимо, допекли. Или как могут допечь, если такая реакция.

Ефросинья скудно вбросила:

– Я тем более.

Эта опустила лицо и прятала только взгляд. От всех. Но не от меня. На меня она глядела исподлобья, как бы спрашивая: теперь-то понял, что я уже взрослая? Понял, от чего отказался в недавнем ночном тет-а-тете? И вообще – понял?

Опершись руками о мой живот, преподавательница чуть приподнялась, поправила посадку для нашего с ней взаимного удобства и резюмировала:

– Итак, каждая из нас в присутствии остальных подтверждает свою чистоту, зная, чем грозит ложь. Принято.

– Подожди, – вновь влезла Антонина. – Ты сама не ответила ни на один из вопросов. Как с чистотой у тебя?

– Ты в пещере со старшим заигрывала! – напомнили сразу с нескольких сторон. – А перед самым освобождением уединялась!

Преподавательница медленно повернула голову сначала в одну сторону, затем в другую, и шум затих.

– Во-первых, если кто до сих пор не понял, – веско произнесла она, – я делала это ради всех, искала способ вытащить нас любым способом – о том, что придет помощь никому в голову в тот момент прийти не могло. Во-вторых, я ему сразу сказала, что если нет мужской накидки, то пусть даже не надеется. – Оправдываться Варвара не любила и сразу перешла на повышенные тона. – Поэтому чистоту гарантирую не меньше вас всех. Кстати, эту вещь я забрала, желающие могут потом взглянуть.

– А до рыкцаря? – не унималась Антонина.

Судя по гулу, ее поддерживали многие. Живой свод надо мной зашатался, представленные в двух дюжинах красота и женственность с помощью колыхания к очевидным обнаженности и соблазнительности прибавили мою озабоченность: игнорировать случившиеся со мной чудеса организм не собирался. Взгляд скакал, как блоха на поджариваемой собаке, но сейчас его не замечали.

– А до рыкцаря, – Варвара вставила руки в боки и грозно повысила голос, – я проходила вместе с вами неоднократную проверку у врачебательницы.

Опа. Оказывается, останься я в школе еще некоторое время...

Мне стало очень нехорошо, где слову «хорошо» не место даже в плане отрицания. Словно с пляжа – в криосауну. Фантомные боли – о том, чего не случилось. Когда я был девочкой и избегал разоблачения в постели, в туалете, в купальне и на общих занятиях, о возможном врачебном осмотре даже не думалось. И лежал бы сейчас не под приятной тяжестью бывших соучениц, а под другой тяжестью где-то на кладбище. Нет, учитывая местные похоронные традиции – просто лежал, обгладываемый волками, и в новом состоянии на них было бы совершенно начхать.

Мою дрожь Варвара ощутила бедрами, но отнесла к другим причинам.

– Ко мне вопросов нет? – обратилась она к царевнам. – Тогда к вам. Красные дни ни у кого не наступили?

– Неужели бы не подмотались, – проворчал кто-то в ответ.

Снова они о своем, о девичьем. Когда же закончится эта бесконечная ночь. Звезды заглядывали сквозь кучу собравшихся в плотное кольцо голов и смеялись надо мной, мужчиной, поверженным женщинами. Они висели на мне гроздьями: гладкие, гибкие, упругие...

Мягкие.

Волнующие.

Уф. Вздуродоразженные мысли искали и не находили пристанища. Кровь забыла о гравитации.

Как бы я хотел сейчас отвлечься, но, закрыв глаза, чувствовал... короче, чувствовал. Открыв – видел. Ни единого шанса забыться или запереться в башне сознания. Башня взята штурмом, ворота выломаны, гарнизон взят в плен.

– Все-таки, наш Чапа – герой. Он такой терпеливый, – упавшим балконом придавил внезапный комплимент с уст Кристины.

Ее бархатные ладони потеряли мою руку, бедра добавили дров в горящий домик, присоединившись к действиям рук. Царевна обескураживающе улыбнулась. Она наслаждалась взаимным пожарчиком внизу – робко, неуклюже, но неуклонно. Поймав мой взгляд, Кристина заговорщицки-интимно подмигнула, словно у нас имелись куда большие секреты. Она сделала это как можно незаметней, а могла бы совершенно открыто – все смотрели не на нее. Давно и основательно.

– Да, нам повезло. – Глаза и пальцы Варвары пробежалась по габаритам пособия. – Кстати, мы очень затянули начало урока.

Начало?!!!

Преподавательница не разделяла моего изумления:

– Зрелый мужчина терпел бы, получая удовольствие даже от самого терпения. Чапа еще молод, ему проще сбросить напряжение и позже повторить во всеоружии.

– Позже? – уцепились за слово ученицы. – Насколько позже?

– Этого не рассчитаешь. Все мужчины разные, кто-то может часто, кто-то долго. Это не хорошо и не плохо, это по-разному. Каждому – свое. Много и мало – категории противоречивые, расплывчатые. Кому-то плохо, другим в самый раз. Идеал называется достаточно.

– Пределы этого «достаточно» существуют? – всклокотал общий интерес.

Варвара на миг закатила глаза.

– Для второго раза, – сообщила она после небольшого размышления, – разным мужчинам нужно от двух минут до двух недель.

Любава любопытно подпрыгнула:

– Чапа, а тебе сколько нужно?

– Чего пристала, у него еще не было! – Большая рука Антонины усадила соседку на место.

Любава тоже была крепенькая и округло-плотненькая, но около данной соученицы – как свинка рядом с бегемотом. Всей ее силы не хватило бы сладить с одним локтем Антонины. Зато в голосе никто не ограничивал:

– Не было по-настоящему, но не первый же раз у него увеличилось!

– Не первый, – закивали многие девочки, сразу краснея.

– Бесстыдницы! – Потешаясь над общим замешательством, Варвара опрокидывала взглядом мишени лиц, как стрелок на биатлоне. – Подглядывали?!

– А что? – Антонина, тоже выдавшая себя среди прочих, попыталась оправдаться. – Давайте рассуждать логически. Мы все видели, как Чапа реагирует на нашу наготу. Уверена, так же он реагировал на Тому, а еще раньше на кого-нибудь другого. Мне кажется, во сне к нему тоже иногда заходили не полностью одетые дамы. Неужели хозяин инструмента не додумался до некоего упражнения, а додумавшись – не довел до конца? И как думаете, сколько раз он повторил это открытие, прежде чем предстал перед нами в образе идеального пособия? – Антонина даже в сидящем виде возвышалась над остальными как развесистая сосна над молодыми кипарисами. Она повела взором и выставочно-выпуклой образцово-показательной грудью в сторону морально поддерживавших ее соседок и закончила вопросом к преподавательнице: – Варвара, с какого возраста древо познания обзаводится крепким стволом?

Варвара с радостью проинформировала:

– Разово бывает у всех, даже совсем маленьких, чуть не грудных. Периодически наблюдается годов с пяти-шести.

– Со сколько?! – Феофания схватила за голову. – Не может быть!

– Врешь! – совсем по-простому отреагировала Майя.

– Царевны не врут, – впервые вступилась за извечную соперницу Антонина.

В вопросах пола лидерство Варвары являлось непререкаемым, где-где, но в этом Антонина была ее искренним адептом.

– С темой ловиласки это никак не связано, – разъяснила самоназначенная преподавательница. – Увеличение может произойти от трения, от неудобной тесной одежды, от переполнения пузыря. К девочкам тянет только с созреванием организма вместе с ростом самого инструмента.

– Это во сколько?

– Зим в десять-двенадцать.

– Ну, это еще приемлемо. – Феофания облегченно опустила руки.

– Волосы там тоже растут с этого возраста? – решила уточнить дотошная Амалия, которую интересовало все, если не больше. – С созревания?

– Как у нас.

Амалия стала прикидывать что-то в уме, пока взгляд бездумно перебежал с моего пушистого обрамления на такие же украшения девочек. Ни одно не походило на соседнее. Представленные всей шкалой, даже шкалами, мыслимыми и немыслимыми, все разные, как люди, одинаковыми были в одном: хотели счастья. От мягкого пуха Клары до жесткого подбритого бобрика Варвары, от белого до черного, от ежистых прямых колючек до спиральных уложений и взрыва на фабрике самозаваривающихся макарон, они торчали и вились, лежали и скручивались, ветвились и кустились, сплетались и сминались. Итоги подсчетов ужаснули Амалию:

– Тогда Чапа уже несколько зим как знает ответ наш вопрос.

– Несколько – это сколько? – нетерпеливо вбросила Александра. И тут же внесла весьма трезвое замечание: – Не проще спросить у него самого?

Мой взгляд уперся в ее солнечный холмик. Словно стрелка, золотой треугольник указывал туда, где сбываются грубые подростковые мечты, и весело предлагал дружбу.

– Чапа? – оторвала меня Варвара от созерцательного гипноза.

– А?

– Только не говори, что не слышал.

Сложно покраснеть в ситуации, когда дюжина нагих наяд столько времени делают с тобой, что хотят, когда все соки вытянуты, и все краски уже вышли. А также – когда именно сейчас взор уткнут в колосющееся пшеничное поле, что совсем не поле, над оврагом, который не овраг, а руки-ноги в плену чужих рук и ног. Но я сумел.

– Да.

– Что «да», Чапа? – усиленно возвращала меня в реальность Варвара.

Не хотелось, но пришлось. Не отстанут. Это же девчонки. Мужики бы поняли, что если отлынивает, то говорить не хочет. С этими не пройдет. Такт уже в основных настройках заменен любопытством, которое сразу выставлено на максимум. В мужских настройках сочувствие человеку ведет к остановке любопытства, в женских включается только после его удовлетворения.

– Да, у меня имеется опыт обращения с... инструментом.

– Ну и? – почти за шиворот тащила Варвара. – Как долго нам ждать второго раза, если понадобится?

– Я... могу быстро. Мог. Все зависит от... В общем, зависит.. От очень многого.

– А третий? – взволнованно перебили меня. – А четвертый?

Я сглотнул, выгорая до косточек.

Меня поняли. Промолчал, но ведь не опроверг.

– О, как. – Царевны переглянулись: кто неверяще, кто радостно, кто испуганно. – Серьезно?

– Я же говорила: идеальное пособие, – распушила хвост хвастливая преподавательница.

– А пятый? Шестой? – посыпался нескончаемый ряд числительных.

– Почему в прошедшем времени? – одновременно взволновалось несколько учениц. – Почему «мог»?

– Не приходилось столько держаться, – вылепил я губами. – И... и вообще. Сегодня все совсем по-другому.

Количество окруживших лиц было вдвое меньше количества их направленных прямо в меня влекущих выпуклостей, на которых не мог не останавливаться взгляд, и совпадало с другим количеством, куда он периодически утекал. Раздражителей для организма хватало с избытком. Организм реагировал соответственно.

– Мы стараемся! – зачем-то втиснула Феофания.

– Спасибо, знаю, – угрюмо сообщил я, – чувствую.

– А что ты чувствуешь? – упало следом, словно на веревочке.

– Могу сказать одно: я чувствую. Очень.

– Вот и прекрасно, – резюмировала Варвара. – Продолжим. – Ее грудь расширилась от набранного воздуха, вырвавшись из общего снежно-белого хребта и нависнув двумя опасными скалами. – Объяснение начну сразу с четвертой составляющей. Удовольствие. Мужчина в этом плане весьма ограничен. Вот. – Указующая ладонь вновь ухватила добычу и покачала из стороны в сторону. – Только это приносит мужчине наслаждение. Сложный организм женщины, в отличие от простейшего мужского, берет и дает четвертую составляющую не столь однообразно. Этому и учит нас отработанное веками искусство ловиласки. Оно предлагает немало способов, чтобы мужья не считали себя ненужными, а мы чтоб чувствовали себя пол-

ноценно – только так ощущаются семейные узы, только так каждый понимает, что он не один, а часть чего-то большего, цельного, единого.

Ученицы согласно кивали. Еще бы. Несколько поколений с такими правилами – получите результат. Я жил в других правилах и думаю по-другому.

– Мужчинам наука доставления жене удовольствия преподается в невестории. Как сделать хорошо самой себе – доходим сами. А как правильно насладиться мужчинами и избежать проблем – для этого существуют уроки, подобные нашему. Способы ловиласки подразделяются на поверхностные и погружные. Начнем с поверхностных способов. Не рассматриваем только поверхностный грудью, который женщина иногда делает мужчине.

– Почему? – нагло встрял я.

В конце концов, раз уж участвую...

Варвара склонилась настолько резко, что по моим щекам со звоном хлобыстнуло. Теплый плен утопил в дурмане, застил глаза, зажал нос, рот, остановил и сделал ненужным дыхание.

Освобождение принесло холод и обиду. И прилетевшие слова:

– Это удовольствие исключительно для любимых мужей... и лишь за особые заслуги.

Я пошевелился:

– В мужа не напрашиваюсь, но неужели не заслужил?

Крупнотелая Антонина, у которой было чем не только погладить, но и намертво придавить, задумчиво брякнула:

– Вообще-то Чапа...

Ее тяжелый, но впервые по-настоящему добрый взгляд согрел до неприличия. Вечно сердитые, ожидающие пакости маленькие глазки встретились с моими, и вспыхнула искра единственного воспоминания, где мы не грызлись, не ссорились, а как бы даже наоборот...

Включение второе

Антонина

А ведь не прошло и нескольких часов. Ночь, тьма как сейчас, но отряд еще не спал. Наохлившимися воробушками ученицы расположились вокруг костра, замерзшие после стирки и купания теперь они грелись, с механической неумимостью подбрасывали дрова и поочередно поворачивались то лицом, то спиной. Жар шел отменный. Кто-то сидел на корточках, выставя к огню ладони, кто-то расположился прямо на земле. Некоторые уже завалялись в огромный ветвяной лежак, накиданный полукругом чуть поодаль. Туда тепло доходило, но не настолько мощное. Кожу не опалило.

Костер потрескивал, все взоры вольно или невольно сходились на нем.

– Чапа, – обратилась ко мне Майя, руками окольцевав прижатые к груди колени и устроив сверху подбородок. – Ты жил у челоуолков. Они правда людоеды?

– Да.

– И ты ел с ними...

– Если б я ел с ними, я бы остался с ними. Был бы одним из них.

– Что же ты ел?

– Все, что нахожу для вас сейчас.

– Апельсины?

– Они в горах не растут.

Встряла Феофания:

– Получается, что одни корешки?

– Все виды плодов, травы, корни, кору, червей, насекомых...

– Фу! – Она сморщилась и нервно сглотнула. – Как можно?!

– Можно, если нужно. Кстати, вкусно.

– Фу! – повторило большинство.

– А я бы попробовала, – слышалось от меньшинства.

– Если останется желание, завтра предложу, – пообещал я.

Меньшинство мгновенно уменьшилось до микрошинства в лице Ярославы.

Закрадывалась мысль, что эта девица непременно хочет попробовать все, что предлагает жизнь, чтобы потом, если остаток здоровья позволит, отделить зерна от плевел и читать внукам мораль со знанием дела. Есть такие особы. Не мой тип, хотя, как правило, симпатичный внешне и при верном подходе доступный внутренне. Потому и не мой.

Неподалеку получившая отповедь Варвара тянулась к жердям, развешивая постиранное. Налитое жизнью тело приподнималось на цыпочках, вытягивавшиеся мышцы играли в непонятные, но приятные глазу игры. Красива, чертовка. Потому и выделяется. Застопорившийся на ней взгляд утонул в раскаленной впадинке. А не спорили ли вы чушь-с, господин-с поручик-с? Никаких обязательств вам не предлагали... хотя не знаю, что предложили бы потом, поставив перед фактом. Гаденький голосочек пищал одно, голос разума твердил другое. Спор прикрыло сердце, выставив перед глазами печальное лицо Зарины.

Варвара присела на траву рядом со мной, сложив ноги по-турецки.

– Одного не пойму, – разнесся над поляной ее задумчивый голос. – Про их передвижение.

– Нам же все показали, – удивилась Ярослава. – Или хочешь еще раз посмотреть? Сразу говорю: я поддерживаю!

Она сидела на пятках, сведя колени, и растопыренной пятерней пыталась расчесать волосы изумительной белизны. Для идеальности им не хватало только объема. Самой же девице хватало всего: и красоты, и самомнения, и нахальства. Пронзительные неестественно

зеленые глаза впитывали жизнь, как пустыня внезапный дождик. Не будь Варвары, она бы уже верховодила... если б Антонина согласилась.

Варвара, на чье лидерство среди царевен пока никто не покушался, объяснила:

– Поза, в которую мы становились, чтобы бегать... низко, стелась по земле... Не понимаю. Как у них получается ничего не задевать, ничем не цепляться?

Я развел руками:

– Опыт – великое дело.

Ладони пришлось срочно вернуть на место: любопытству царевен предела не оказалось.

– Как они пьют? А живут все вместе? Как у нас или парами? Или вообще всвалку? – посыпалось отовсюду.

– Живут парами.

– Животные!

– Пары складываются не сразу, зато на всю жизнь, – продолжил я.

– Пьют из ладоней? – поинтересовалась Амалия.

– Лакают.

– Зверье! – снова не утерпел кто-то.

– А как по нужде ходят? – не стерпела Майя, тут же спрятав глаза за ладошкой.

Сначала я не понял, затем улыбнулся.

– На четвереньках или на корточках. Самцы во весь рост никогда не встают.

– А как любят друг друга? – Темный завиток в Кристиновых руках начал жить собственной жизнью.

Я прокашлялся. Ну и вопросыки.

– В основном по-звериному. Самец...

Кристина стала краснее огня:

– Имела в виду, уединяются или...

– Или.

– И все у тебя на глазах?! – Вздуродженный взгляд Майи прожег меня насквозь, словно в ней рванула цистерна с бензином. Она даже привстала, шея вытянулась, руки всплеснулись, колыхнув тугими дыньками.

Ойкнув, царевна резко присела и вновь прикрылась.

– В пещере есть ответвления и перепады. – Я мужественно смотрел в другую сторону. Ну и цирк устроила Варвара. Здесь, в отличие от моего прежнего мира, нравы немного другие, к природе более близкие, но когда ты один в присутствии пятнадцати... ну, пусть двенадцати, учитывая трех дозорных... ощущения, скажем прямо, просто зубодробительные. – В основном было только слышно.

– В основном? – осторожно повторила за мной Александра. Мокрые пряди свисали волнистой бахромой, синхронно раскачивались и липли к коже в самых странных местах, рисуя фантастические узоры. Чуть склоненное набок лицо улыбалось то ли мечтательно, то ли иронически. Она переглянулась с насмешливо фыркнувшей Ярославой.

– Девочек слишком волнуют вопросы пола, – задумчиво проговорила Варвара. – Нужно провести занятие на эту тему. Пока не поздно.

Да, пока не поздно, сразу внутренне согласился я. А то такого наворотят...

– Школу когда еще отстроят, – добавила девушка.

– Правильно. Как старшая, подумай, как это сделать, и проводи, – распорядился я.

– Что думать, – хмыкнула Варвара. – Мама водила меня на такие занятия в прошлый поток. Кое-что помню.

– И по вопросам пола?

– По ним в первую очередь. – Улыбка у нее вышла сардонической. – Я такая же была, – взмах подбородка указал на самых мелких внешне, но самых любопытных и неумных.

Неслышно выплыла из окружающего небытия Антонина – нереальная, словно тень отца Гамлета. Ладони прикрывали самое необходимое, которого при ее богатырском сложении имелось немало. Напористый взор быстро нашел меня в ряду царевен:

– Я оставила доспехи следующей дозорной. Пусть пользуются, пока их одежда сушится.

– Правильно, – одобрил я.

Глаза Антонины сузились, немаленькое тело выпрямилось.

«И все?» – как бы сказала она.

– Ты молодец, – прибавил я. – Нашла лучшее решение. Так держать.

Тяжело быть командиром. Нужно думать даже о подобной ерунде.

Антонина чуть расслабилась, но не присела к костру со всеми. Донесся ее суровый голос, как бы обвиняющий собравшихся во всех грехах:

– Говорят, я многое пропустила.

– Не многое, но кое-что, – признала Варвара.

– Не верю, – без обиняков заявила Антонина. – Клара сказала, что я полжизни потеряла.

Полжизни для меня не кое-что.

Я понял, что пока вопрос не закроется, покоя не будет.

– Что предлагаешь?

Антонина с видом оскорбленной справедливости заявила:

– Тоже хочу полетать. – И добавила в свое оправдание: – Как все.

Заметив мой настрой решить проблему, Варвара начала подниматься. Я остановил ее нажимом на плечо:

– Не надо, отдыхай. Справлюсь. – И повернулся к Антонине: – Пошли.

Я шагнул первым, чтоб не видеть провожавших глаз и при вставании инстинктивно прикрыл ладонями лишнее. Не совсем лишнее, но в данном окружении. Недавняя дозорная с удовольствием отправилась следом – наверстывать половину жизни, а по возможности, в чем я нисколько не сомневался, урвать что-то и для второй половины. А то и для третьей. Для женской логики такое тоже считается нормальным – половин у них столько, сколько необходимо.

Вода в озере выглядела жидким льдом.

– Брр. – Снова лезть в холод не хотелось.

Надо. Ежась, я ступил в обдавшую обмораживающим пламенем жижу. Антонина стойко двигалась следом. Зашли на самую глубину, по пояс. Глубже здесь не бывает, если самому не выкопать.

Окрестные деревья чернели и бросали на берег страшные тени. Ночь обнимала, как скво-лыга свой сейф со сбережениями, захапущими лапами стремясь ухватить также все остальное, до чего сможет дотянуться. Но мы с царевной ей не давались – вода блестела, и мы немного видели друг друга. Рост спутницы равнялся моему. В плечах и бицепсах мы тоже одинаковы. Разница в том, что в местах, где у меня бугрилось, у нее пышно округлялось. А чем ниже, тем больше я проигрывал в мягкости и выигрывал по стройности. Ниже талии разница получалась разительной.

Антонина приблизилась и застыла гипсовой статуей, не в силах вымолвить ни слова, ни полслова. Ее взгляд не знал, куда деваться, а руки не знали, что делать. Она вроде собиралась их отдернуть, но вновь вцеплялась в смятую плоть. Сквозь пальцы подымавшимся тестом выпирала белая магма. Кусочки темных окружностей подглядывали из сведенных судорогой ладоней. Напряжение от нашей разнополости росло, как чужие дети.

Я собрался принять ногу царевны для прыжка, но она оказалась не готова. Или не поняла, почему мои кисти скрестились и выдвинулись вперед. Разъедаемая нерешительностью Антонина опускала лицо все ниже.

– Хочешь, покатаю по воде? – предложил я.

Ее ресницы удивленно вскинулись:

– Как катер?

– Лучше. Ложись.

На уровне разбежавшихся волн я выставил перед собой руки открытыми ладонями кверху.

– Сюда? – насторожилась девушка.

Из-под густых бровей сквозило напряжением. На плечах подрагивали – от озноба? – ярко-желтые волосы, в темноте казавшиеся рассыпавшимся промокшим сеном.

– Животом, – подсказал я.

Антонина вспыхнула. Ее лицо бегло оглянулось, но нас не увидят; наоборот, это мы увидим, если на высокий берег выйдет кто-то подсвеченный далеким костром. А у нас для них будет темно.

Мои руки приняли чуть развернувшееся, осторожно опустившееся создание, что недоумевало, с какого дуба рухнуло, согласившись на подобную авантюру. Мои ладони и запястья просели под навалившейся, жарко обтекшей густотой. Я и сам не понимал, как предложил такое. И кому! Из пятнадцати возможных выбил, как в стрелковом тире, самое едкое, язвительное, неприятное и морально скользкое. Словно жизнь медом казалась, и захотелось проблем. А может... хотелось, но не проблем? Поздно думать.

Нет, думать никогда не поздно. Если вдуматься по-настоящему, кажущееся провокацией происходящее – вовсе не идиотский поступок, который нашептали гормоны. Имеется шанс превратить тайного противника в возможного соратника. Ради такой цели можно постараться.

– Приподними лицо. Расправь руки в стороны, ноги вытяни назад и представь, что летишь. – Я начал медленно кружиться вокруг оси.

Привычно ожидавшие от окружающих некой пакости, окаменевшие мышцы в моих руках постепенно размягчались. Застывший свинец плавился, растекался, становясь ватным, и превращался в пух – невесомый, обманчивый, заманчивый.

Впервые такое чудо происходило со мной. Впервые мои руки в невыносимо интимной обстановке держали нагое тело другого человека, не испытывая к нему чувств родства или дружбы. Впервые доверчиво выставленная роскошь не убегала от взгляда, а терзала его невообразимой ранее близостью. В стае и с Томой я чувствовал себя по-другому: легко, раскованно, беззаботно. Здесь не было и быть не могло того отбрасывающего рамки приличий упоения свободой. Какие приличия в звериной стае? Не было и недавнего будоражащего веселья прыжковой неразберихи, поразившей скоротечной открытостью и бесшабашной смелостью случившегося во тьме озера. Было другое. То, чего еще никогда не было.

Чтобы не закружиться, я стал ходить вдоль озера. Тело горело. Мороз не обжигал, а нежно ласкался. Оставленные без крови мозги готовились треснуть выкипевшим котлом.

Теперь Антонина млела. Набегавшая волна взметала ее чувства. Глаза открылись во всю ширь, забыв о вечной ехидности и ироничности. Она слилась с миром. Мир принял ее. Мир оказался прекрасен.

– Хорошо? – спросил я.

– Не то слово!

– Перевернись.

Волна неловкости сотрясла... и отступила, растворившись в раздирающих на части новых чувствах. Антонина перевернулась на спину. Дернувшиеся прикрыться руки медленно расправились, вновь превратившись в крылья. Глаза закрылись – она полностью доверилась мне. И разрешила делать все, что посчитаю нужным.

Ландшафт безмятежно расprostертого тела бил по глазам не хуже, чем молот по наковальне, выковыывая что-то опасное. Мысли проникали сквозь кожу сотнями игл. Они плавил не справлявшийся с ситуацией мозг, вонзались тысячами кинжалов. Я баюкал разнежившуюся Антонину, кружа то в одну, то в другую сторону. Она почти научилась лежать на воде, будучи

не в состоянии предположить, что такое возможно. Что вода может быть другом. И вот – произошло.

– Чапа, ты волшебник! – счастливо вышептала она в ночь.

Я остановился, и локти с напряжением согнулись, вынимая и приподнимая царевну над успокоившейся гладью.

– Ой! – вылетело у нее, когда мир качнулся, и в нем остались лишь две надежные опоры: мои руки.

Ее открывшиеся глаза мелко моргнули, тело, вспомнившее о наготы, согнулось пополам, вздымая колени к груди, но моя хватка не ослабла, даже сделалась крепче. Антонина оказалась у меня на руках, прижатая к груди.

Она пугливо замерла на полувздохе... и медленно выпустила воздух. От бывшего сарказма не осталось следа. Язвительности и ехидству не нашлось места в чем-то новом, что возникло между нами. Царевна прислонилась всей ледяной поверхностью, обдавая знойно-морозной, до мурашек по коже, обволакивающей волной возбуждения. Анаконды рук оплели шею. Губы нашли свою цель, языки встретились и зашлись в шаманском танце. Неведомые образы заплясали вокруг внутреннего костра. Били бубны. Летели искры. Дым ощущений застил глаза.

Это было безумно. Бездумно. Бездонно. Я дрожал. Девушка чувствовала мою дрожь и наслаждалась этой дрожью, которую вызвала сама. Колдовство момента породило ощущение чуда: простого, но небывалого. Абсолютная нереальность. Другой мир. Параллельная Вселенная. Непонятная, но прекрасная сказка.

Словно спрут поймал добычу. Уже не я держал Антонину, а она висела на мне, оплетая холодными влажными щупальцами, и мучимый впечатлениями фитилек неудержимо превращался в факел.

«Что ты делаешь?» – спросил меня мозг.

«Я? Я это... Так, ничего», – замялся застигнутый врасплох организм.

«Если это ничего, то я – спинной!» – обиделся и презрительно отвернулся мозг.

– А теперь – обещанный полет! – оторвавшись, объявил я и со всей силы кинул царевну через себя.

Взгляд проводил переместившееся в жидкую среду твердо-мягкое тело. Громкий шлепок, океан брызг, и ошалелое, но безмерно довольное лицо с круглыми, как у тюленя, глазами вынырнуло из пучин.

– Чапа, я летала! Нет, я летаю! – Ликующая царевна вновь бросилась ко мне.

Требовательные губы опять нашли губы, сверкнув промчавшимся от одного к другому электрическим разрядом.

– Все, – проговорил я, вновь отрывая от себя приятную на ощупь особу. – Надо идти.

– Неправда. – Она встала столбом. – Не надо.

– Пора, – переиначил я.

Девичье лицо спряталось за гривой мокрых волос.

– Если с Томой не сложится, – прошептала Антонина, делая шаг к сближению, – станешь моим невестором?

О, как. Ну и денек.

– Первым мужем? – буркнул я, машинально отступая.

Очарование момента схлынуло опорожненным бачком в унитаз.

– Потом и мужем, – невинно согласилась Антонина.

Пышный силуэт вырисовывал передо мной емкие заманчивые перспективы. Флюидами влечения можно было наполнить еще одно озеро, а разыгравшаяся фантазия накрыла берег туманом-дурманом.

– Прости. – Я взял ее за руку и повел к берегу. – На этот случай у меня очередь. Просили не занимать.

Вот так. Не получается у меня смешивать нужное с желанным, в самый неподходящий момент всегда просыпается совесть и портит обе возможности. Что обидно – потом именно она оказывается права, неоднократно обруганная и посланная в дальний пеший поход. Вопрос: чего же спала, когда все только затевалось?!

На подходе к костру, где сразу прекратились разговоры, я привычно прикрылся ладонью. Антонина, которую так и вел за руку, даже не подумала о подобном. Опаляя окружающих аурой морозной влаги, она присела, молча втиснувшись в промежуток между Любовью и Александрой. Ученицы подвинулись и, поджав губки, отвернулись.

– Не пора ли спать? – громко выдал я риторическое.

Кто хотел спать, уже легли, остались только неисправимые романтики, которые не желали тратить бесподобную ночь у костра на обычный сон.

– Как хотите, – сказал я, укладываясь с краю протянувшегося по поляне ветвяного лежака.

Благодаря его размерам сегодня не будет тесно. И холодно не будет, спасибо костру.

Замечательно. Я закрыл глаза.

Или не замечательно? – пытался оспорить вредный организм, но его глупые поползновения я задушил на корню.

Разбудили безумные ощущения. Царила ночь. Все уже спали. Почти все. Лежавшая ко мне спиной Варвара притерлась круглой мягкостью. Физиологический ответ ей передавался отлично, но, так и не ощутив радостного психологического, этого встречного движения, душевно-чувственного порыва, она грустно отодвинулась. Донесся вздох.

– Причина во мне? – спросил едва слышный шепот. – Ты именно меня не хочешь?

– Хочу, – убито сообщил я. – Но люблю другую.

– Разве это мешает?

– Категорически. Отвергает саму мысль.

– А Антонина? Вы разве не...

– Не.

– Но вас так долго не было.

– Мы – не, – жестко повторил я. – По тому же поводу. Любить можно разными местами. Я предпочитаю сердце.

Она ничего не сказала.

– Обижаешься? – Я с дружеским сочувствием пожал ее плечо. – Не надо. Ты же ни при чем.

Варвара резко повернулась:

– Вот это и обидно.

Помолчав, она глухо прибавила:

– Прости, я не обижаюсь.

И, еще тише, практически неслышно:

– Завидую.

Она закрыла глаза. И я закрыл. Как оказалось, ненадолго.

Часть вторая

Все это произошло почти только что по меркам нормального человека. Здесь, увы, таких не водилось. Не минуло и нескольких часов, а меня распыли на земле, прижали всем, чем прижалось, и измывались, устроив пытку удовольствием. Кто бы сказал еще вчера, что такое возможно. Я бы посмеялся. Ха-ха. Думаете, не смешно?

Согласен. Совсем не смешно.

Я лежал, раскинув руки подобно человеку с рисунка Леонардо да Винчи, и принимал судьбу как есть. Она весьма странно, но приемлемо принимала меня, хотя и неприемлемо, но это уже мои заморочки, до которых захватившему власть большинству дела не было.

Варвара пресекла благие намерения Антонины и некоторых других, кто тоже выразил взглядом понимание и сопереживание.

– Мы собрались ради себя, а не ради него! – возмущенно вещала преподавательница, распрямляясь в поясице и вновь перенося вес на мои бедра. – Наш урок – на тему братъ, а не давать, к теме и вернемся. Какие можете назвать поверхностные способы?

Мысли обо мне мгновенно вылетели из головок, как попугайчики из открытой клетки, заперхали, заголосили – цветные, но схожие. Разные, но не настолько, чтоб. За кем-то повторяемое вечно выдававшие за свое.

– Главный поверхностный способ – это погладить, – блеснула эрудицией Амалия.

Глубокие умные глаза моргнули и исчезли под прядью. Амалия выглядывала из-за Майи как мышка, которая прячется от кота. Кот – это я, если что. Обалдеть.

– Потереть, – смущенно предложила Феофания другой вариант. – И... потереться.

– Полизать, – сказала и сразу скрылась за спинами Софья-Анна-или-как-ее-там.

Все-таки Софья. Анна с Ираидой и Марианной в дозоре. Марианну теперь ни с кем не спутаю, а остальные – темные лошадки без собственного мнения или столь тщательно его скрывающие, что даже разница в росте, сложении, прическе и совершенная непохожесть лиц делала их однойцевыми близнецами серости.

– Довести до салюта, – звучно ввернула Ярослава, – всем, чем можно. Естественно, без работ на глубине.

Вот эту ни с кем не спутать. Лишь бы держалась подальше.

– Правильно, – приняла Варвара. – Сформулируем четче: поверхностная ловиласка осуществляется в основном руками, ртом и детородно-питательными органами. По тому, чем ласкают, она называется верхней, средней и нижней. Верхняя подразделяется на губную, языковую и совместно-переменную, включающую в себя абсолютно все части лица, например, нос, щеки, ресницы, подбородок... В список входят даже волосы. Средняя – ручная и корпусная. Нижняя... думаю, понятно. По качеству воздействия поверхностная делится на успокаивающую, возбуждающую и опустошающую. А кто перечислит погружные способы? Давайте вызовем самых младших, им в первую очередь нужно подтягивать знания. Клара!

Почти на год отставшая от меня в возрасте царевна привстала, прокашлялась и звонко отпартовала:

– Вкусный, тесный и опасный!

– Умничка. Как понимаете, каждое из названий в разное время и у разных людей оказывается вовсе не тем, чем в давние времена кем-то назвалось и закрепилось в качестве термина. – Оставляя больше пространства для возможного маневра, Варвара съехала по моим ногам чуть назад. – Мы будем пользоваться ими только как терминами.

Потесненные Антонина с Ярославой сдвинулись вбок. Правильно оценив состояние пособия как не склонное к побегу, они сели рядом на корточки, их придерживающие руки остались на моих лодыжках, а лица устремились на главного героя вечера.

Хоть глаза прячь, в самом деле. Если остальные, сидевшие так же на корточках, находились позади, резко сбоку или вполоборота ко мне, то попытка расположившихся напротив Антонины и Ярославы спрятаться от меня сведением коленей потерпела провал. Я не собирался играть в стеснение, когда две дюжины глаз во имя знаний спокойно любовались моими достоинствами и считали это само собой разумеющимся. Если дозволено им, почему нельзя мне? Потому что пособие? Еще лучше. Пособие – оно. Неодушевленная вещь. Какие претензии к вещи?

Гм. А если разобьют сгоряча?

До этого момента, чтоб что-то увидеть, мне приходилось жутко коситься или вертеть головой. Теперь я успокоился и просто выбрал три мощные цели: неугомонную преподавательницу и двух «телохранителей» с боков этого полководца приключившейся битвы полов. Им тут же подыскались имена: Большой и Великолепный. Большой плюхнул мясистую плоть на соединенные коленные чашечки, что почти утонули под обрушившимся на них счастьем. Большие бедра плотно сдвинулись, но в глубине колосилась примятая рожь, и проглядывало глубокое нетерпение. Даже подозрительность и надменность на лице вечной пессимистки проигрывали другому выражению в сердитости и недовольстве миром. Насупившиеся валики шурились с угрюмостью полярника, который заждался смены. И с такой же надеждой. Неужели это – именно то, что готовит мне судьба? Судьба, ку-ку, ты, случаем, не рехнулась? Не скажу, что в сложившейся ситуации стану возражать слишком сильно, но это... неправильно. Не должно быть так. Должно быть совсем не так.

А как должно? Любой отработанный способ, прописанный сценарий или доведенный до совершенства ритуал со временем выхолащивается – когда становится навязываемым. Когда выполнять его заставляют – люди находят обходные пути. Этим путям радуются, хотя ритуал, как правило, лучше и красивее, он более наполнен всем – от смысла до накала, вызванного долгим ожиданием-переживанием, и от формы до содержания. Конечно, потом для посторонних такой ритуал можно воспроизвести как в первый раз, внутренне посмеиваясь, что обманули систему – но это будет обман себя. Человек делает выбор, и этот выбор определяет судьбу. Здесь, в невыносимо неуклюжем мире-пародии на наш, традиция навязывала такой вот урок. Но я со своим мировоззрением – я-то воспитан по-другому! Пусть желания часто опережали здравый смысл, но у меня имелись четкие установки, что такое хорошо, и что такое плохо. Если приходилось поступать плохо (это случалось исключительно по необходимости, хотя довольно регулярно), от этого мне сначала недолго было хорошо, а затем очень долго плохо. Теперь мозги заклинило: от местного церемониально-принудительного «хорошо» мне было хорошо, и для всего этого мира это тоже было хорошо; противоположности сошлись, причем в мою пользу. Очуметь. Вопрос: где подвох? Судьба просто так только забирает, но никогда ничего не дает. Чтобы получить, нужно потрудиться, иначе вступает закон синусоиды: чем лучше было, тем хуже станет. И если меня вознесло на самый пик чувственных удовольствий, невероятных и для большинства просто непредставимых – как глубоко потом падать?

Судьбу мои мнительность и щепетильность не волновали. Вместо нее откликнулся, перехватив взгляд, второй Варварин телохранитель, которого я назвал Великолепным – ведьмоглазая наядя Ярослава. Яркие белые волосы струились по телу, губы чувственно выпятились и слегка приоткрыли аналогию того, что с внимательным прищуром диверсанта взлохмаченно наблюдало за мной из тьмы в другом месте. Судьба, кукукнущаяся с двенадцатизатяжки, ты мне и это готовишь? Пожалуй, не стоит лишний раз тебя искушать. У тебя это лучше получается. Это что же: соревнование, кто кого больше искусит? На данную минуту я продувал с разгромным счетом.

Вопрос: а хочу ли я выиграть?

– Давайте на секунду отвлечемся и поговорим о том, о чем забыли вначале, – предложила преподавательница. – О поцелуях.

Слово возымело эффект пинка. Все подтянулись, взбодрились, а уже взбодренные мечтательно заулыбались.

– Если б однажды мы вдруг решили следовать мужским желаниям, удовольствию от поцелуев пришел бы конец, – возвестила Варвара, – они бы просто исчезли из жизни, как некогда большие птицы и звери, чьи скелеты иногда находят в земле. У мужчин поцелуи не являются самодостаточным удовольствием, а только переходом к главному наслаждению. Мы не проходим поцелуи как упражнение, поскольку это интимная и очень индивидуальная сфера ловиласки. Поцелуи – это волшебная параллельная жизнь в другой реальности, необозримая, невероятно волнующая и совершенно неведомая второй половине человечества. Чапа, какие поцелуи ты знаешь?

Нашла кого и когда спрашивать. С трудом набравшись сил, я вытолкнул:

– В губы.

– А еще?

– В щеку.

– Еще! – требовательно сжали меня колени Варвары.

– В лоб. Или...

Она совсем меня смутила.

– Или? – упорно настаивала чертова провокаторша.

– В ушко. И в макушку.

– И все? – Не дождавшись продолжения, которое всем и так наглядно демонстрировалось, преподавательница победно выдала: – Вот вам пример мужского понимания проблемы. «В губы и не в губы». А между тем поцелуи бывают дружескими, родственными, материнскими...

– Материнский разве не родственный? – Брови Антонины недоуменно сдвинулись, а ладони привычным движением поправили обширно выпиравшую гордость, что в измерении визуального сравнения могла бы по-матерински-родственно накормить не только обеих соседок, но и весь собравшийся коллектив.

– Станешь матерью – поймешь разницу. – Недовольная, что перебили, Варвара продолжила с прерванного места: – Еще они бывают официальными, неофициальными, примиренческими, случайными, из сострадания, из любопытства и, конечно, любовными. Любовные в свою очередь делятся еще на бесконечное количество категорий, а не как считают мужчины – в губы и не в губы. Их очень много, перечислю то, что вспомню. Поцелуи бывают: поверхностными, глубокими, привычными, стыдливymi, бескорыстными, подчиняющими, дарящими, отбирающими, безвольными, сладостными, мучительными, небрежными, выжимающими, расчетливыми, лакомыми, успокаивающими, сухими, сочными, томными, дурманящими, эгоистичными, прощальными, разрешающими, лживыми, мечтательными, нежными, грубыми, шутивными, великодушными, неисчерпаемо-бездонными, искренними, лаконичными, деликатными, самоуверенными, сдержанными, безрассудными, возбуждающими, жадными, деловитыми, рассеянными, застенчивыми, дерзкими, угрюмыми, скучными, робкими, намекающими, медленными, быстрыми, восторженными, легкомысленными, наивными, старательными, ленивыми, заботливыми, торопливыми, отточенными, неумелыми, обездвиживающими, обезволивающими, кроткими, бездушными, щедрыми, провокационными, задумчивыми, боязливymi, умоляющими, покорными, равнодушными, соблазняющими, страстными, обязующими, горячими, холодными, покровительственными, поощряющими, несерьезными, извиняющимися, отстраненными, вопрошающими, взаимными, односторонними, всасывающими, лижущими, обволакивающими, невинными, вялыми, неотпускающими, игривыми, бестактными, натужными, снисходительными, внезапными, свирепыми, обнадеживающими,

упоительными, оттаивающими, из жалости, подвигающими на следующий шаг, без языка, с языками, с языком, изображающими ловиласку, замещающими ее и несущими удовольствие сами по себе. Есть женщины, умеющие взорваться от поцелуев.

– А могли бы и потренироваться, – задумчиво втиснула Майя в первую же паузу.

– Кто бы говорил, – сузились и без того маленькие глазки Антонины. – На дереве не натренировалась?

– А ты – на озере? – внезапно отбрила Майя.

Видимо, допекло. Неконфликтная, добродушная и компанейская Майя никогда ни с кем не враждовала, всех мирила и никогда не унывала. Изумительный человек. И вот ее прорвало. Смешливые морщинки вокруг рта и вздернутый нос, создававшие особый шарм обаятельной царевне, сумели стать агрессивными. Пингвин превратился в орла и приготовился защищаться до победного.

Антонина не стала нарываться.

– При чем здесь озеро? – спокойно сказала она, зная, что никто не мог видеть от костра тот наш внезапный ночной... как квалифицировала такое Варвара – случайный поцелуй?

– А можно вопрос про воду? – подала голос Софья.

Хлипкое тельце едва выглядывало из-за частокола голов над крепостным валом плеч. Невысокий рост не давал возможности склониться над ними вперед, да и желания такого у тихой царевны не возникало. Только когда взбудораженное любопытство пересиливало заботу, раздавался срывающийся голосок.

– Возможна ли ловиласка в воде, скажем – в озере? – совсем замаявшись, закончила она мысль.

Сразу несколько лиц почему-то обратились поочередно на Антонину, на меня и снова на напрягшуюся большую царевну.

Варвара знала ответ и на этот вопрос.

– Почему нет? Ты же говоришь вообще, а не о каком-то конкретном способе?

Софья смутилась и усиленно закивала.

– С точки зрения физиологии препятствий нет, только смазка вымывается. – Преподавательница поморщилась. – Будет больно или неприятно. Или приятно, как повезет. Внутри обязательно попадет вода, а важно не забывать: любая влажная среда – обиталище семян многих болезней, в любом водоеме их как хвои на елке... или, скажу по-другому, как мелких частиц, из которых состоит воздух – невидимых, но оттого никуда не девающихся, и мужской ключ мигом доставит их за дверцу.

– Или не доставит, – со знанием дела сообщила Ярослава.

– Или не доставит, – пришлось согласиться преподавательнице, – если повезет.

– Ты нас сейчас так застращаешь, девчонки запрут дверцы на щеколды и до старости проходят в девах, – продолжила дискуссию зеленоглазая бестия.

– Мое дело – предупредить о возможном, ваше – распорядиться полученными знаниями по своему усмотрению: помнить, учитывать или игнорировать, – напустив строгости, объявила Варвара.

Ефросинья к общей радости сменила тему:

– Говорят, если у парня нос длинный, то и ключ познания тоже. По-моему, это неправда.

Словно в фильме ужасов начавшиеся тихие разговоры, вздохи и перешушукивания разом стихли, глядевшие в разные стороны лица одновременно повернулись и уставились на мой нос. Обычный нос, не большой, не маленький, так, небольшая картофелина симпатичной наружности.

– То же самое слышала про большие пальцы ног, – хмуро проинформировала Антонина. Абсолютно все взоры синхронно переехали на озвученное.

– Обманщик! – с ехидцей заявила Ефросинья, упершись взором в еще недавно никому не нужный мой скромный нос. – Нехорошо притворяться незначительным и прятать от людей истинное сокровище!

Преподавательница расставила точки над ё:

– Насколько мне известно, масштаб главной части пособия не соразмерен каким-либо другим кусочкам организма, а передается по мужской линии. Если известен истинный папа, то можете не сомневаться – они будут не сильно различаться.

– Тогда правда и обратное, – хмыкнула Ефросинья. – Если истинный папа неизвестен, достаточно сравнить сына с его тремя четверодителями...

– Напомню закон, – сурово произнесла Варвара: – «Наготы мужа матери твоей не открывай, ибо это твоя нагота. Ибо открывая наготу членов семьи своей обнажаешь плоть свою. Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, жившие до вас. И осквернилась земля, и воззрела Алла, да простит Она нас и примет, на беззаконие, и был акапалипс».

– Да помню, – отмахнулась Ефросинья. – Но я же не обнажать предлагаю, а только сравнить и посмотреть, кто из них...

– Посмотреть – именно об этом и говорится в семейном праве. Хочешь иметь дело с сестричеством?

– Чего пристали, я же только сказала...

– Когда выберемся из этой передрыги, сообщи о недоразумении ближайшей сестриссе, – строго заявила Варвара, оглянувшись на других царевен. – Во избежание худшего.

– Какого худшего?! – чуть не плача взмолилась Ефросинья. – Я же только...

– Вот и говорю – недоразумение, – перебила Варвара. – Пусть им и останется. Все понятно?

Ефросинья хмуро кивнула.

– Варвара, ты все прекрасно объяснила о ненужных мужчине сосках, а что насчет волос внизу? – С полным игнорированием меня как личности Антонина

указала на меня как на пособие. – Зачем они?

Любое движение вокруг прекратились, все взгляды вновь как по команде переместились сначала на предмет вопроса, а через миг на собственные тела. Каждая из учениц попыталась ответить на вопрос самостоятельно, но лишь Варвара встретила его во всеоружии.

– Волосы защищают от трения одежды.

– А у первых людей, когда одежду еще не придумали? – Антонина саркастически приподняла левую бровь.

– Они сохраняли запах для представителей другого пола. Через запахи сообщались послания, которые ныне передаются одеждой.

– А возбуждение и желание? – не выдержала Ярослава, – тоже одеждой?

– Именно, – подтвердила Варвара. – Теперь не нужно кланяться в пах партнеру, чтоб узнать о его желаниях, они видны издали.

– А если не натирает, – вскинулась головка Ефросиньи, – то можно сбрить?

– Как вам нравится. Теперь это вопрос не здоровья и продолжения рода, а исключительно эстетики. Можно убирать полностью или делать прически, рисовать фигуры и узоры.

– Узоры?! – ладошка Любавы привычно накрыла рот, сверху столь же привычно округлились глаза. – Какие?!

Варвара пожала плечами, явно собираясь привычно сравнодушничать: «любые» или «какие вам нравятся»...

Нет, плутовской взор уперся в меня:

– Чапа, тебе какие нравятся?

Вопрос, что называется, на засыпку. Хочет поставить меня перед выбором? И рассорить с частью царевен, показав, что одни в приоритете, а до прочих мне как бы дела нет? Я не повелся на провокацию. Вещь не может выбирать, иначе у нее будут проблемы.

– А какие бывают? – ответил я вопросом на вопрос.

Отвлечь получилось, новый поворот оказался интересен всем.

– Ах да, – протянула Варвара, – ты же никого кроме нас не видел...

«Кроме нас». Будто этого мало.

– И кроме человолчиц, – не преминула напомнить Антонина. – Их он видел вообще всех, сколько существует.

В тоне сквозила обида, будто быть второй после животных ей оскорбительно. Глубоко спрятанные под мохнатыми бровями глаза горели желанием хоть в чем-то переплюнуть зверей.

– У них просто непроходимые джунгли, – нехотя сообщил я. – Кто видел одну, видел каждую.

Антонина надулась:

– Хочешь сказать, что все, кто не бреется, для тебя на одно лицо?

Ну-ну. Так и подмывало ответить: «Уважаемые царевны, у вас у всех очень разные и симпатичные... лица».

Хорошо, что Ефросинья высказалась раньше.

– Может, лучше вообще все сбрить начисто? – осведомилась она, недовольная своей скудной растительностью.

Варвара переформулировала и с удовольствием перенаправила:

– С твоей мужской точки зрения, Чапа, что лучше: брить или не брить?

Снова общее внимание сосредоточилось на мне.

– Брить или не брить, вот в чем вопрос, – проговорил я трагическим тоном. – Ну и вопросы у вас, девочки.

– Мы тебе не девочки. – Антонина внезапно окрысилась, ее могучая спина выпрямилась. – Мы царевны, проявившие к затесавшемуся в наши ряды представителю другого пола вполне конкретный интерес и ждущие его удовлетворения. Твое дело – отвечать.

– Иначе – что? – сдержил я.

Не в то время и не в том мире. Множество недобрых взглядов напомнили, в чьих руках находятся мои судьба и организм.

– Иначе поговорим с тобой по-другому, – озвучила Варвара мысль большинства.

Я резко пошел на попятную:

– У меня в этом плане нет предпочтений.

Ученицы задумчиво переглянулись.

– Выкручивается? – грозно спросила Антонина соседок и преподавательницу.

– Молод еще, – встала на мою защиту Ярослава. – Мы тоже сладкое едим без разбора, пока изжога не начнется.

– Простите, зря я спросила, – вдруг повинулась Варвара. – Пособие должно оставаться пособием, его нельзя наделять человеческими качествами. Вернемся к теме урока.

– Но смысл пособия – в помощи нам по всем направлениям, без которых не разобраться в себе, – подала голос Амалия. – Мы должны знать мнение противоположной стороны, и пособие служит именно для этого.

– Обещаю, что в некоторых вопросах мнение пособия будет учитываться, и когда понадобится что-то серьезное, мы обязательно спросим, – пообещала Варвара.

Антонина поднятием руки привлекла к себе внимание преподавательницы.

– Когда говорили о поцелуях, ты упомянула слово «взорваться». – Она задумчиво покусала пухлую большую губу. – Объясни.

– Хорошо, тогда – еще пару слов об удовольствии, каким оно бывает. – Варвара заставила щеки растянуться в улыбке, подбадривая учениц. – У мужчин целью ловиласки является салют, все помыслы только о нем, и если он не случился, то удовольствия как бы не было. Так, Чапа?

– Что?

– Ничего, это был риторический вопрос. Взрыв – это высшее удовольствие, его пик, концентрация наслаждения, как если б вас неделю поили и в туалет не пускали, и вот, наконец, когда разрешат... – Многозначительный взгляд Варвары обвел слушательниц, удостоверяясь, что образ понят и детально прочувствован. – Взрыв выбрасывает сознание на обочину реальности, а часто вовсе за грань. Взрыв меняет вас, кромсает чувства, убивает мысли и возносит за облака. Пока его не испытаете, не поймете, о чем речь, слова – это только слова, которые остаются словами, ощущения окажутся совсем иными. Как с любовью. Есть определение, что любовь подобна груше, она сладкая и имеет определенную форму, но попробуйте дать определение формы груши!

Переждав хиханьки и перешептывание учениц, Варвара продолжила:

– Взрыв у мужчин всегда сопровождается салютом, даже если ничем не стреляет – в тех случаях, когда они сумели взорваться повторно, а семя еще не выработалось. Стрельба сопровождается толчками. Это их удовольствие. Наше совершенно иное. Никто не знает заранее, у кого как оно проявится, откуда придет и куда выкинет в момент вознесения. Взорваться можно как от внутренних взрывных работ, так и от внешних. Все способы ловиласки могут привести к взрыву, просто не все умеют или не всем дано.

– Поясни про не всем дано, – потребовала Антонина.

– Если не дано – это болезнь? – присовокупила Александра.

– Это данность, с которой желательно не смиряться, – ответила Варвара. – Как не все любят сладкое, так и...

– Не все?! – Глаза Феофании выпучились.

– Не все получают одинаковые удовольствия от похожих процессов. Изменить что-то могут лишь время и любимые люди.

Как же меня коржило от их множественного числа священного понятия. «Любимые люди»! Однако... Несмотря на возмущение мозга словами, происходящее перед глазами почему-то неприятия не вызывало. Странно все же утроен мозг. Ладно-ладно, уточню: мужской мозг. Нетерпимый к нелогичной женской логике, он абсолютно толерантен к собственной противоречивости.

– Нам повезло, что наши организмы столь многогранны, – продолжала вещать Варвара. – К примеру, мы можем наслаждаться взрывом мужчин почти так же сильно, как они сами. Мы получаем удовольствие и от самого факта погружения, и от завораживающего процесса фрицев, и от непредсказуемого взрыва. Кстати, взрыв – важный, но лишь отрезок долгого пути удовольствия. В отличие от наших любимых, мы способны к множественным взрывам. Первое удовольствие лишь пробуждает, усиливая жажду следующего. Наша вершина в отличие от мужской – не конечная точка краткосрочной кампании, куда гордые воители водружают свое захватническое знамя победы, а огромный хребет из многих вершин, которые возвышаются все выше и выше и уходят за горизонт.

Преподавательница говорила, ученицы сосредоточенно внимали, а я чувствовал себя восточным правителем в гареме, окруженный возбужденными лицами и тем нежным, стыдливым, обычно прикрытым, что сейчас в немыслимом виде и количестве пялилось на меня со всех сторон. Большие, средние и мелкие. Красноносые, темноглазые, кареокие. Шары и конусы, капли и капельки, пышные и литые. Торчащие, висящие, глядящие вперед, вверх, вниз, в стороны. Серьезные, удивленные и вовсе обескураженные. Дыни и яблочки; грейп-

фрукты, апельсины и мандарины; много и сразу. Полный пипец. Сон. Ведь что же это могло быть, как не сон? А во сне – да, во сне бывает всякое. Даже такое, чего быть не может.

Варвара сменила тон с лекторского на командирский:

– Прежде, чем перейдем к практическим занятиям, всем сходить в кусты по большому и маленькому и помыться.

Антонина буркнула:

– Так уж и всем? А если что-то из этого комплекта не хочется?

– Поднатужься. Знаешь такое слово – надо?

С тяжелым вздохом Антонина и еще несколько царевен исчезли из поля зрения. Остальные пока остались – держать.

– И воды принесите, – крикнула Варвара вдогонку. – Поставьте поближе.

– Это обязательно? – подал я голос, пока ученицы методично исполняли распоряжения, и первые потихоньку сменяли вторых.

Пока рядом не было главных оппоненток – ни всем недовольной Антонины, которая нашла бы, к чему прицепиться, ни быстро восходящей звезды – Ярославы, ни въедливой Амалии – моя всадница-наездница повела себя вполне доброжелательно.

– Что – это? – хмыкнула она.

Ее влажное тепло по-прежнему окутывало мои бедра, плыло по ним, вокруг них, пробирало насквозь, впитываясь в кожу, в вены и в нервы.

– Вот это все. – Мой подбородок обвел происходящее.

– Девочки, может, отменим урок? – повысила голос Варвара, обращаясь в заждавшейся первой и уже подтягивавшейся второй смене.

– Нет! Как можно?! Почему?!

– Командир считает его необязательным. Давайте проголосуем. Кто за продолжение?

Я даже не считал вскинувшихся рук. Где все равны, здравый смысл постепенно умирает. К примеру, можно вспомнить шляхтичей, оклеивавших туалет приказами короля. И где теперь та Великая Жечь Посполита, известная у нас как Речь?

– Подавляющим большинством принято. – Варварин взор пробежался над головами, тоже не считая нужным подсчитывать. Потомственная интриганка знала, что делала. – Переходим к собственно упражнениям. Погладьте лампаду счастья над райской дверцей. Можно сначала смочить.

Буквально через секунду – испуганный вскрик Феофании:

– А если ее нет?!

– Есть, просто прячется.

– Ну нету же!

– Иди сюда. Остальные выполняют задание!

Бледный силуэт царевны возник рядом с сидевшей на мне преподавательницей. Плотная сбитая фигурка за время плена и похода растеряла округлость, зато сохранила жизнерадостность. Сейчас и она покинула всегдашнюю хохотушку, глаза мелко моргали, там опасно заблестело.

Начались общие занятия. Кристина и некоторые другие, кто прижал меня бедрами, чуть приподнялись, перехватив одной рукой, чтоб не сбежал. Прятали действующие руки и глаза Любава и Александра, где-то на задках села с твердым намерением добиться результата невзрачная Софья. Вовсе отвернулась сосредоточившаяся Амалия. Выставляла напоказ бурную деятельность цинично-взбалмошная Ярослава. На отшибе, согнувшись и скукожившись, смущенно трудилась Клара. Лица менялись на глазах: освещались изнутри, напрягались, уходили в себя, выплескивались возникшим накалом. Лишь у одной все оставалось по-прежнему – у Антонины. Она продолжала упражнение ровно, задумчиво, серьезно, точно так же, как начала.

Я обалдело наблюдал за занятиями. Это не может быть не сон. Или меня закинуло в чью-то фантазию. Двенадцать пар глаз беспокойно косились по сторонам, ненадолго замуривались и даже закатывались. Большую же часть времени почти все глядели прямо и не мигая, как живые мертвецы, на занимательный предмет, собравший вокруг себя небывалую компанию. «Занимательный» – поскольку именно он занимал мысли и воображение тех, чьи примявшие растительность руки искали счастья. Как можно на такое смотреть спокойно?!

Стоп, я – пособие, не забывать. Меня нет, я как ровз в царстве Вечного Фриста – говорящий зверек. Никто не стесняется хомячка или аквариумной рыбки, когда идет в туалет или встречается с любимым человеком. Тем более никому не придет в голову на уроке стыдиться пособия – одноразового инструмента, вещи, годной лишь для того, к чему определили.

– Фаня, покажи, как делаешь.

Варвара собиралась поставить Феофанию перед собой, то есть, чтоб царевна шагнула одной ногой через мой живот и продемонстрировала успехи прямо над полыхавшим пожаром. Мне бы достался подробный вид снизу. Я даже успел поймать тень ухмылки на любезно улыбнувшихся губах преподавательницы, улыбка предназначалась неумелой практикантке, ухмылка – мне. В последний момент низенькая царевна застопорилась и сумела разместиться рядом, бочком. Варвара не любила, когда что-то идет не по ее, но виду не подала; инструктаж, который стоило назвать показом, пошел своим чередом.

– Это слишком слабо, – донеслась ее оценка усилий Феофании, – а теперь сильно, ты же не огонь добываешь. Хотя... плохое сравнение, как раз огонь – живое пламя, чтоб вулкан взорвался, и лава потекла. Чтоб дым из ушей, и душа в небеса. Вот видишь, все, что нужно, и произошло. Да, почти незаметно, а кто сказал, что у всех должно быть одинаково?

В этот момент Варвара заметила отсутствие эмоций Антонины:

– Тоня, получается? Что-нибудь чувствуешь?

Та вдруг охнула, плечи передернулись... Беззвучный выдох вернул ее взгляд к жизни:

– Что?

– Ничего, все в порядке. Итак, все готовы. Сейчас будем более плотно знакомиться с предметом. Ваши тела должны привыкнуть, что это нормально, не стыдно, не неприятно и абсолютно естественно. Подходите по очереди. Ярослава, ну, раз уж вскочила, давай. Остальные, распределитесь пока.

– Почему Ярослава? – Антонина перегородила путь.

Вызывающе-крупная и мясистая, она перешагнула меня одной ногой, заставив дышавшую ей в грудь крепкую, стройную, но более низкую Ярославу беспомощно отступить.

– Это нечестно, – заявила Антонина. – У нее есть опыт. Предлагаю отстранить, чтоб не мешать тем, кому нужнее.

– Тоня, по-своему ты права. – Варвара постаралась развести учениц. – Но сейчас необходимы именно умения. Ярослава, сможешь показать правильно, не стеснясь и не пугаясь?

– Легко.

Некоторое время соперницы поедали друг друга взглядом, и количество уступило качеству. Точнее, выдававшему себя за качество. Изрезанная ущельями белая гора сдвинулась, на сложившихся руках надменно устроились в ожидании зрелища глазастые облака.

– Прошу. – С облегчением, что все утряслось, преподавательница уступила место победительнице.

У моих коленей появилась новая хозяйка.

– Как говорила мама, повторяя за кем-то древним, – мурлыкнула Ярослава, плотно впечатываясь бедрами и наклоняясь вперед, – в жизни существуют три вещи, имеющие значение. Первая – ловиласка. О двух других до сих пор ничего не известно.

Главный инструктор в это время расположился позади моей головы лицом к происходящему. Мои кожа и волосы ощутили прикосновение чужой кожи, но другие ощущения многократно перебивали верхние.

– Познакомься с ним, – упала следующая команда, – прикоснись, покажи, что это нисколько не страшно и не противно.

– Да я рождена для этого!

Словно полушария мозга выпали из вскрытого трепанацией черепа. Удержанный натянувшейся уздечкой джентльмен галантно поклонился даме. Дама с улыбкой заставила кавалера поклониться еще раз.

– Высочка, – хмуро прошипела Антонина. – Софья и Ефросинья – в хвост очереди! Сначала пройдут новички. Если успеют.

– Но я... – Софья в возмущенье вскочила... и опустилась на место. Губки сморщились, глаза намокли, и лицо плаксиво расплзлось, готовое прорваться зимней теплотрассой.

– Тоня, перестань, – попросила Варвара. – Софья тоже новичок. У нее другие обстоятельства.

– И я новичок! – требовательно поднялась Ефросинья.

– Фрося, ты же... того? – Густые брови Антонины недоверчиво вскинулись. – Сама призналась. Как же?

– «Того» можно по-разному, – огрызнулась Ефросинья, усаживаясь на место. – Так что я тоже в очереди.

– В очереди все, никто не будет обижен, – громко подытожила Варвара.

Меня эта фраза вскипятила и выпарила. Антонина покосилась на интриганку, только что записавшую в очередь и хитромудрую себя, но смолчала – она твердо намерилась стать следующей, ничто другое большую царевну теперь не волновало.

Я заворуженно наблюдал, как личное достояние бесстыдно становится общественным.

– Чего тут уметь? – Руки уставшей ждать Антонины без рассуждений сняли «умелицу» с пособия в лице меня, грузная пышность обтекла колени. – Так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.